Рампа

Годъ изданія первый. № 13.

Воскресенье, 16-го ноября.

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ. **РАМПА** ИЗДАЕТСЯ ВЪ МОСКВѢ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

„Рампа“ ставитъ своей задачей обслуживаніе интересовъ русскаго театра, какъ съ эстетически-художественной, такъ и бытовой стороны, кладя въ основу съ одной стороны завѣты лучшихъ представителей русской художественной мысли, съ другой—текущіе интересы актерской семьи.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Т. Ардовъ, М. Н. Архангельскій, Н. Бассъ, И. Барышовъ (Мясницкій), Е. Берлинраутъ, Э. Бескинъ, Г. Бурдъ-Восходовъ, проф. Л. Владиміровъ, А. Воротниковъ, Д. Гаринъ-Виддингъ, О. Гзовская, В. Гиляровскій, Э. Гольденвейзеръ (Нью-Іоркъ), Г. Гольдштейнъ (Pierre d'Or-завѣдующій художественнымъ отдѣломъ), М. Гиршманъ (Берлинъ), А. Дервишъ, В. Ермиловъ, Н. А. Ефрейторовъ (Ярославль), П. Звѣздичъ (Вѣна), Е. П. Карповъ, А. Косоротовъ (Шмель), Лоэнгринъ (Одесса), Я. Львовъ, С. С. Мамонтовъ, Э. Маттернъ, Р. Менделевичъ, Л. Мунштейнъ (Lolo), П. Морочникъ, С. А. Найденовъ, Вл. Немировичъ-Данченко, Вас. Немировичъ-Данченко, В. Никулинъ, О. Норвежскій, П. Оленинъ, Е. Питоевъ (Парижъ), И Платонъ, А. Плещеевъ, А. Полевой, И. Поповъ, Н. А. Поповъ, М. Пуаре, С. Разумовскій, А. Сабуровъ (Парижъ), Я. Сацъ, П. Сергѣенко, Скиталецъ Яковлевъ, П. Скуратовъ, М. Сукенниковъ, А. Сулержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ-Южинъ, А. Тези (Вѣна), Э. Фельдзеръ, В. Хавкинъ (Ростовъ-на-Дону), И. Шмитъ (Рудинъ), М. Шикъ М. Эйшискинъ (Кіевъ), С. Яблоновскій, Яновъ и друг.

Считая одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей программы посильную помощь въ дѣлѣ развитія провинціальнаго театра, редакція привлекла къ обслуживанію этого отдѣла, въ качествѣ постоянныхъ корреспондентовъ, представителей мѣстной провинціальной печати.

Новыя постановки и выдающіеся моменты театральной жизни, какъ русской, такъ и иностранной, найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ въ видѣ фотографій и рисунковъ нашихъ художниковъ.

Въ крупнѣйшихъ центрахъ Европы „Рампа“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: годъ—6 р., полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 50 к., мѣс. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—15 копѣекъ.

Подписная цѣна съ 31-го августа по 1-е января 1909 г.—2 р. 50 к.

Объявленія: впереди текста—**75** к., позади—**50** к. со строки петита.

Главная контора и редакція: Москва, Мясницкая, д. насл. Анановыхъ.

Кромѣ Москвы розничная продажа „Рампы“ производится: въ Петербургѣ—Невскій пассажъ, кіоскъ Кузьмина; въ Кіевѣ—у Леона Идзиковскаго, Крещатикъ; въ Одессѣ—у Э. Альтшулера, Дерибасовская.

Редакторы-издатели: *Л. Т. Мунштейнъ (Lolo).* *Э. М. Бескинъ.*

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ КЛУБЪ.

Въ воскресенье, 16-го ноября, 1908 года

Девятый Семейный Вечеръ.

Труппою драматическихъ артистовъ клуба представлено будетъ:

„ВѢЧНАЯ ЛЮБОВЬ“. Ком. въ 3 дѣйст. „МЕДАЛЬ“ Водев. въ 1 д.

Начало ровно въ 8 час. вечера.

По окончаніи **ТАНЦЫ** до 3-хъ ч. ночи.

Дирижеръ танцевъ В. Д. Мухинъ.

Оркестръ Александровскаго военнаго училища.

Театръ „ЭРМИТАЖЪ“

(Каретный рядъ. Телефонъ 13—96).

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ КОМЕДІЯ-ФАРСЪ ОБОЗРѢНІЕ **С. Ѳ. САБУРОВА.**

16-го ноября: 1) „Первая ночь“ ф. въ 3-хъ 2) „Амалія... и такъ далѣе“, въ 4 д. 1-е: Балъ у кокотки. 2-е: Послѣ бурной ночи. 3-е: Свадьба этуали. 4-е: Займись своей Амаліей. 19-го—Наши среды!

Бенефисъ Н. Ф. ЛЕГАРЪ-ЛЕЙНГАРДТЪ. Двѣ новинки!

1) „СЛАВНЫЯ ДѢВОЧКИ“, опер. въ 3 д. 2) „Союзъ кокотокъ“, ф. въ 3 д.

Касса открыта съ 11 ч. утра.

Лучшія НОВОСТИ

шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ матерій и бархата

въ магазинѣ С. С. Семенова

МОСКВА, пассажъ Солодовникова. № 56-57.

Готовые дамскіе наряды „CONFECTIONS“

Заграничныя модели.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ. ТЕЛЕФОНЪ № 50-25.

Новое! Небывалое!

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ ЧАШКИ ОТБОРНАГО КОФЕ ДОСТАТОЧНО ВЛИТЬ 1 ЛОЖЕЧКУ

КОФЕЙНАГО ЭКСТРАКТА

(сгущенный жидкій кофе)

„EXTRAIT DE MOCCA“

Торговаго Дома **ЕВГЕНІЙ ВИДИГЕРЪ и К°**

Варшава, Іерусалимская. 20.

Продуктъ удостоенъ привилегіи Министерства Торговли и Промышленности и утвержденъ Врачебнымъ Управленіемъ.

ИЗБѢГАЙТЕ ПОДДѢЛОКЪ! **ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ!**

Театръ Буфъ

А. Э. Блюменталь-Тамарина

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА И ОПЕРЕТТА.

РЕПЕРТУАРЪ.

Въ Воскресенье 16 ноября.

Утромъ: „НОЧЬ ЛЮБВИ“. Вечеромъ:

„КОРНЕВИЛЬСКІЕ КОЛОКОЛА“.

Понедѣльникъ 17 ноября.

„ФРИНА“.

Вторникъ 18 ноября.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Среда 19 ноября.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Пятница 21 ноября.

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА.

Суббота 22 ноября.

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ ВЪ ЛИЦАХЪ

— и —

БАЛЪ-МАСКАРАДЪ.

Выходъ знам. артиста **Г. ГЕРМАНА**.

По окончаніи въ Зрительномъ залѣ

КОНЦЕРТЪ GALA.

ВАРШАВСКАЯ

модная мастерская

М. А. СОБОЦИНСКОЙ.

Петровка, д. Савостьянова, кв. 30.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ

на всевозможные дамскіе костюмы платья и наряды по послѣднимъ

ПАРИЖСКИМЪ ФАСОНАМЪ.

Исполненіе скорое, изящное и аккуратное по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

ОТСУТСТВІЕ, ДОРОГОВИЗНА И НЕУДОБСТВО

КВАРТИРЪ

ВЪ МОСКВѢ

и наступ. кварт. кризисъ, подсказываютъ кажд. устроиться вблизи Москвы собств. дом. По- селокъ „НОВОГИРЕЕВО“, находящ. всего въ 20 мин. ѣзды, по Нижегор. ж. д. и имѣя всѣ удобства, необход. культ. человѣку, представляетъ лучш. мѣсто для жизни кругл. годъ. Собств. платформа; водопроводъ съ превосх. водой; электрич. освѣщеніе на ул.; торц. мостовыя; конка; собств. охрана; телеф. подстанц. съ Москвой; лавки; аптек. магаз.; врачи. Уже живетъ около 1000 чел. Допускается особая банковская разсрочка платежей. Узнать: 1) на мѣстѣ, въ конт. поселка, тел. 121-83; 2) конт. нот. Жеребкова, д. Метрополь, тел. 143-38 и 3) Петровскій пасс. № 22, съ Негл., конт. Гейслеръ, тел. 71-87. Удобный поѣздъ изъ Москвы въ 1 ч. дня для осмотра.

Рампа

№ 13.

СОДЕРЖАНІЕ:

Гордонъ Крэгъ.—Еще о режиссерской собственности. *Н. В—каго.*—Дамонъ и Пиѳій. (Изъ разсказа моего дяди своимъ племянникамъ). *Николая Попова.*—Словарь сценическихъ дѣятелей. *Lolo.*—Москва.—У Гордона Крэга.—Театръ Корша. *Р.*—«Аида» у Зимина. *Н. Курова.*—Третій историческій концертъ. *Н. Бас.*—Концертъ Г. Гальстона. *М.*—Второй камерный вечеръ О. Сиборъ и М. Букиникъ.—Концертъ Ирены Энери. *Н. Бас.*—Балетъ *N. N.*—Петербургскія письма. *Шмеля.*—Петербургъ.—За рубежомъ.—Новая пьеса Амфитеатрова («Княжна Настя»). *В.*—Провинція.

Портреты и рисунки: Гордонъ Крэгъ. — Рисунки Крэга: Лагерь «Генриха V», «Золушка», костюмы для «Галатеи», костюмъ дамы, фонарщики.—Ванда Ландовска въ гостяхъ у скульптора Родена.—«Аида» на сценѣ С. И. Зимина: Радамесъ-Дамаевъ, Ермоленко-Южина — Аида, Жрецъ-Шувановъ, Амонасро-Каміонскій, Царь-Запорожецъ.

Шаржи и карикатуры: Артуръ Никишъ.—Пастораль «о маленькой Тасѣ»—Сперанскій-Чортъ («Черевички»).

Москва.

Гордонъ Крэгъ.

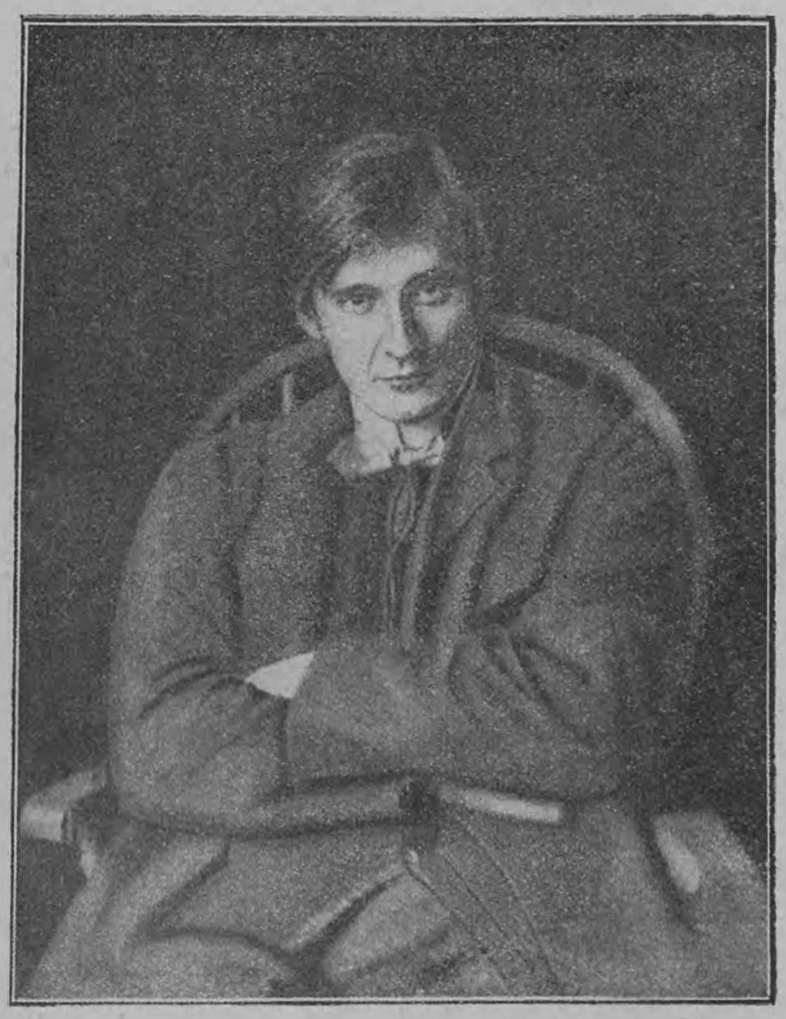
Въ настоящемъ номерѣ «Рампы» мы даемъ цѣлый рядъ рисунковъ извѣстнаго англійскаго режиссера Эдварда Гордона Крэга, гостящаго сейчасъ въ Москвѣ. Какъ режиссеръ-рисовальщикъ Гордонъ Крэгъ—совершенно исключительное явленіе въ области современнаго театра. И съ этой стороны онъ совсѣмъ неизвѣстенъ русской публикѣ, несмотря на то, что за-границей его имя пользуется уже крупной популярностью.

Крэгъ—сынъ артистки Элленъ Тери. Отецъ его тоже не былъ чуждъ театральному дѣлу и часто дѣлился съ сыномъ мыслями о реформѣ сценическихъ постановокъ. Непосредственнымъ учителемъ и руководителемъ первыхъ шаговъ по сценѣ молодого Крэга былъ извѣстный Генри Ирвингъ. Крэгъ прошелъ практически всѣ ступени театральнаго дѣла: былъ сначала статистомъ, потомъ актеромъ на маленькія роли, и, наконецъ, директоромъ труппы, съ которой кочевалъ по провинціи.

Девять лѣтъ Крэгъ актерствовалъ и только на десятый рѣшилъ измѣнить видъ служенія сценѣ и сбросивъ актерскую маску отдаться своему давнишнему призванію—декоративному рисунку въ широкомъ смыслѣ захвата пьесы во всемъ ея единствѣ, во всей ея цѣлостности. Начиная отъ общаго настроенія и кончая рисункомъ пуговицы на костюмахъ дѣйствующихъ лицъ. Знакомство съ молодымъ лондонскимъ кружкомъ «New Englisch Art Club», къ которому принадлежитъ и Бердслей, еще больше вызвало въ Крэгѣ рисовальщика, именно рисовальщика больше, чѣмъ художника. Онъ любитъ линію саму по себѣ, онъ любитъ карандашъ.

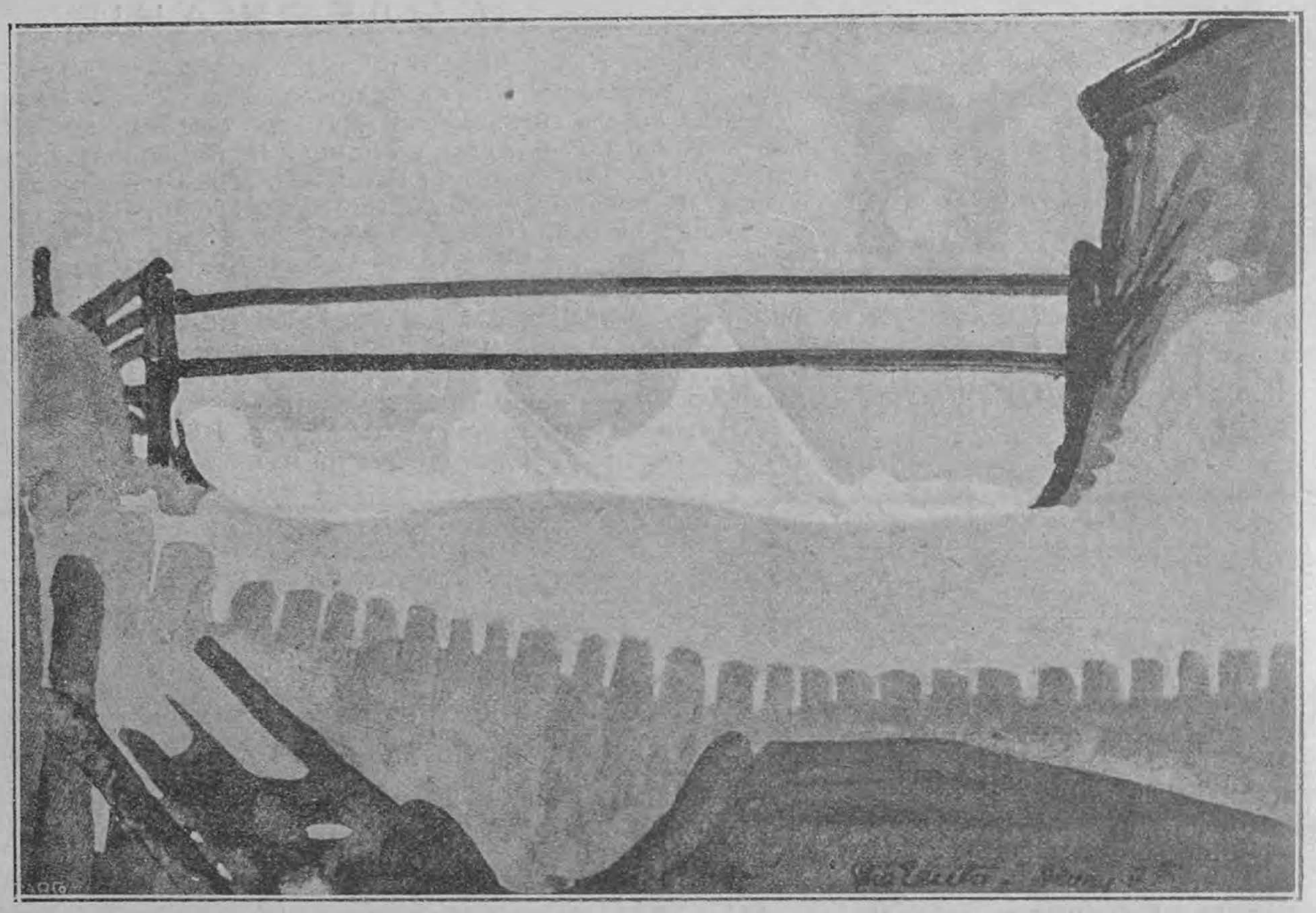
Его первый дебютъ на новомъ поприщѣ датированъ маемъ 1900 года, когда онъ выступилъ съ блестящей въ смыслѣ стильности общаго фона и частностей постановкой оперы англійскаго композитора XVII вѣка «Эней и Дидона». Но прочную славу и популярность создала ему первая драматическая постановка въ Лондонѣ одной изъ пьесъ Ибсена. Въ своей дальнѣйшей дѣятельности Крэгъ создалъ цѣлую галлерею весьма цѣнныхъ рисунковъ для шекспировскаго репертуара.

Арсеналъ вспомогательныхъ средствъ Крэга чрезвычайно скроменъ. Китайская тушь и нѣсколько акварельныхъ красокъ, разбросанныхъ нѣжными свѣтовыми пятнами. И при помощи этихъ незатѣйливыхъ средствъ онъ создаетъ буквально чудеса. Вызываетъ къ жизни тихіе контуры застывшаго міра сказки и связываетъ ихъ чуть замѣтными нитями



Эдвардъ Гордонъ Крэгъ

съ психикой современнаго наблюдателя; реставрируетъ средневѣковую старину и дѣлаетъ ее близкой и понятной нашей больной душѣ. Конечно, при перенесеніи всего этого на сцену приходится идти на компромиссы, приходится волей-неволей нарушать очарованіе карандаша примѣненіемъ къ формамъ сценической дѣйствительности, къ ея, такъ сказать, физическимъ условіямъ. Но и за всѣмъ этимъ постановка по Крэгу оставляетъ достаточный просторъ таланту сценическаго техника и даетъ полную возможность создать картину рѣдкаго очарованія, рѣдкой красоты. И если осуществится.



Гордонъ Крэгъ. Эскизъ сцены лагеря въ «Генрихѣ V».

какъ о томъ сообщаютъ газеты, мысль постановки крэговскаго спектакля на сценѣ такого оборудованнаго театра, какъ нашъ Художественный, — если это осуществится, Москвѣ предстоитъ быть свидѣтельницей большого праздника искусства.

Еще о режиссерской собственности.

Въ № 9 журнала «Рампа» помѣщена была статья режиссера Н. Н. Евреинова по вопросу о правѣ собственности режиссера на постановку пьесы. Авторъ рѣшаетъ возбужденный имъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что право собственности режиссера въ этомъ случаѣ несомнѣнно. И такое значеніе съ его стороны не удивительно. Н. Н. Евреиновъ хорошо знаетъ, какой громадный трудъ несетъ въ современномъ театрѣ режиссеръ, и онъ не можетъ допустить мысли, чтобы всякій, кому вздумается, могъ воспользоваться результатомъ этого труда. Да и вообще, принципіально, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе.

И совершенно ясно, что если провинціальный режиссеръ проситъ разрѣшенія на постановку спектаклей «Стариннаго театра» въ копіи съ Петербургской постановки, то здѣсь выступаетъ вопросъ объ авторскомъ правѣ. Совершенно очевидно, что нельзя допустить, чтобы каждый желающій пользовался режиссерскимъ экземпляромъ пьесы, въ которой текстъ покрытъ «густою вуалью режиссерскихъ добавокъ». Такимъ является вопросъ въ теоріи.

Но что вышло бы на практикѣ, еслибы право собственности режиссера на постановку пьесы было въ надлежащемъ порядкѣ признано и укрѣплено? Намъ думается, что прежде всего самъ г. Евреиновъ ни въ какомъ случаѣ не уступилъ бы никому и ни за какое вознагражденіе своей режиссерской работы. Развѣ можно въ самомъ дѣлѣ отдать тотъ трудъ, въ который вложена, такъ сказать, вся душа режиссера для воспроизведенія этого труда на провинціальной сценѣ при настоящихъ условіяхъ театральнаго дѣла въ провинціи? Не ясно ли всякому, знакомому съ этими условіями, что режиссерскій экземпляръ, испещренный ремарками, не даетъ возможности поставить пьесу въ провинціи такъ, какъ она поставлена первымъ режиссеромъ, создавшимъ ея постановку? Въ большинствѣ случаевъ выйдетъ слабое, плохое подражаніе. Самое горькое, какъ намъ кажется, чувство должно охватить столичнаго режиссера въ томъ случаѣ, если съ его разрѣшенія и съ его согласія будутъ ставить на провинціальной сценѣ извѣстную пьесу и на афишѣ большими буквами будетъ пропечатано, что пьеса ставится въ постановкѣ такого-то столичнаго режиссера и съ его разрѣшенія, а на самомъ дѣлѣ выйдетъ не воспроизведеніе столичной постановки, а въ лучшемъ случаѣ только блѣдный, тусклый ея оттискъ. И можетъ-ли столичный режиссеръ быть увѣреннымъ, что дѣло не произойдетъ именно такъ, какъ мы говоримъ?

Такимъ образомъ, будетъ или не будетъ признано право собственности режиссера на постановку пьесы, въ результатѣ все-же окажется то, что режиссеры, въ работѣ которыхъ особенно много сказывается ихъ индивидуальность, которые стремятся внести въ режиссерское дѣло нѣчто новое, не согласятся на воспроизведеніе ихъ работы въ провинціи. Правда, можетъ случиться, что опытный провинціальный антрепренеръ или режиссеръ, посмотрѣвъ постановку интересующей его пьесы въ Москвѣ или Петербургѣ, пожелаетъ при постановкѣ пьесы въ провинціи воспроизвести то, что онъ

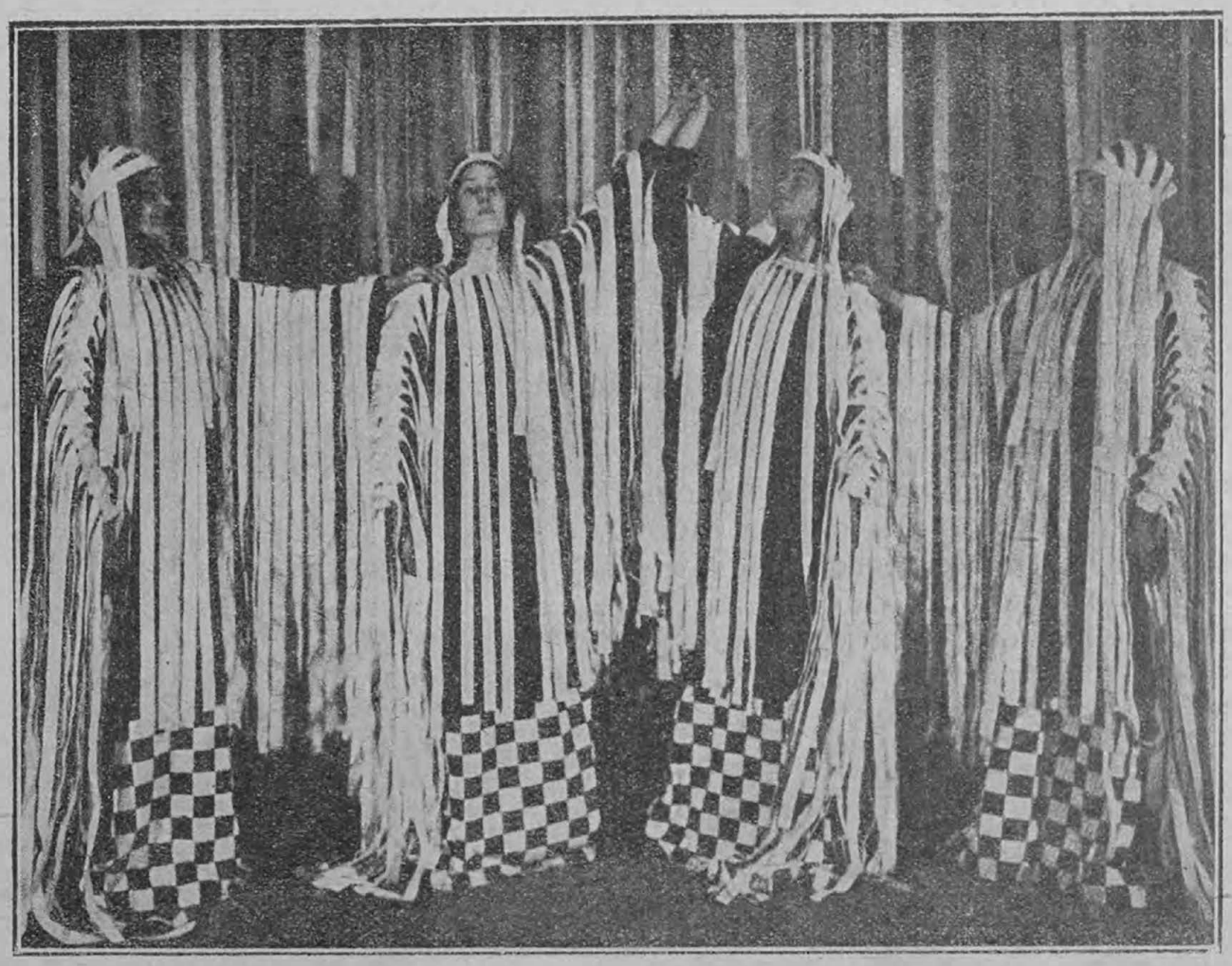
видѣлъ; но, во 1-хъ, въ этомъ случаѣ весьма трудно будетъ доказать плагіатъ, во 2-хъ фамилія столичнаго режиссера не будетъ ради рекламы фигурировать на провинціальной афишкѣ, и отвѣтственность за искаженіе идеи столичнаго режиссера ляжетъ на отвѣтственность режиссера провинціальнаго и наконецъ, въ 3-хъ—не будетъ въ концѣ концовъ ничего дурного въ томъ, что провинціальные антрепренеры будутъ нѣсколько серьезнѣе относиться къ постановкѣ пьесъ въ своихъ театрахъ. Быть можетъ—кто знаетъ—это поведетъ и вообще къ нѣкоторому улучшенію режиссерскаго дѣла въ провинціи. Это было-бы очень желательно, такъ какъ въ настоящее время въ большинствѣ провинціальныхъ театровъ такой режиссерской работы, которая нужна для художественной постановки пьесъ, вовсе нѣтъ. Въ провинціи работа режиссера, въ большинствѣ случаевъ, сводится къ тому, чтобы разставить на сценѣ мебель, понаблюсти за тѣмъ, чтобы ремарки автора пьесы болѣе или менѣе точно исполнялись, чтобы пьеса до извѣстной степени шла гладко, чтобы не являлось какихъ-либо явныхъ несообразностей и т. п. Режиссеръ даетъ артистамъ обыкновенно самыя, такъ сказать, элементарныя указанія. Въ виду такого малаго значенія режиссера пьесу зачастую режиссируетъ въ провинціи болѣе свободный въ данный день артистъ. Вообще театральное дѣло въ провинціи прозябаетъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, но если заговорить объ этомъ болѣе подробно, то это отвлекло-бы насъ далеко отъ вопроса, составляющаго предметъ настоящей замѣтки.

Резюмируя-же все сказанное выше, мы еще разъ скажемъ, что принципіально Н. Н. Евреиновъ правъ, но возбужденный имъ вопросъ остается непримѣнимымъ на практикѣ.

Н. В—ій.

Золушка.

Гордонъ Крэгъ.



Гордонъ Крэгъ. Костюмы для «Галатеи» (фотографія).

Дамонъ и Пиѳій.

(Изъ разсказовъ моего дяди своимъ племянникамъ *).

Разсказывалъ я вамъ про Мухина?

Мухинъ былъ товарищъ дяди Толи по гимназіи. И такъ ужъ это вышло, что Толя былъ худой, а Мухинъ толстый, даже не вѣрилось, что онъ въ гимназіи учится: войдетъ въ комнату—громада!

А все-таки, чтобы Толя не захотѣлъ, Мухинъ его всегда слушался.

За мѣсяцъ или недѣли за двѣ до Рождества,—ужъ не помню, Мухинъ сталъ особенно часто ходить къ намъ.

Придетъ, запрутся они у Толи въ комнатѣ и гудятъ тамъ, какъ шмели: «у-у, у-у».

Понимаете: совѣщаются о чемъ-то!

Иногда заговорятъ громче.

И слышимъ мы, что Мухинъ что-то все предлагаетъ, а Толя все ему говоритъ: «Ничего ты не понимаешь!»

А потомъ опять: «у-у, у-у...»

И вотъ разъ, только мы съ Петей собрались играть во что-то, дядя Толя высунулся изъ своей комнаты и крикнулъ намъ:

— Эй, вы! Лѣзьте сюда! Вотъ мы съ Мухинымъ спектакль устраиваемъ, извольте-ка тоже участвовать.

И вотъ мы съ ними обоими начали готовиться къ спектаклю! Что ни день, то бѣда:—тотъ урокъ не пригововилъ, тотъ на урокахъ ничего не слушаетъ, то самого дядю Толю оставятъ въ гимназіи послѣ уроковъ; и все изъ-за пьесы,—очень ужъ мы пьесу интересную разучивали!

*) Режиссеръ Малаго театра Н. А. Поповъ предоставилъ въ распоряженіе «Рампы» нѣсколько главъ изъ готовящихся къ печати его дѣтскихъ воспоминаній, имѣющихъ общее заглавіе: *«Мягкій диванъ. Безконечные разсказы моего дяди».*

«Дамонъ и Пиѳій!»

Хорошо заглавіе? Изъ древней жизни! Петя—Пиѳій, я—Дамонъ, дядя Толя взялся играть мрачнаго Гелона (такой злодѣй былъ въ пьесѣ), а Мухинъ долженъ былъ изображать Діонисія, тирана сиракузскаго.

Костюмы мы себѣ мастерили изъ простынь, а бороды изъ конскаго волоса: матрацъ одинъ подпороли и достали.

Не помню, вотъ ужъ только, какъ дядя Толя декораціи устроилъ, а и декораціи были.

Вся суть пьесы заключалась въ томъ, что Гелонъ старался во что-бы то ни стало погубить и Дамона и Пиѳія. Роль Гелона была очень драматическая, дядя Толя потому, вѣроятно, и игралъ ее,—хотѣлъ, конечно, доказать всѣмъ, что его призваніе—драматическія роли.

Исторію Дамона и Пиѳія вы, вѣроятно, знаете. Дамонъ хотѣлъ убить тирана Діонисія, а стража его схватила. Но Діонисій, передъ тѣмъ какъ казнить Дамона, отпустилъ его попрощаться съ родными, а вмѣсто него посадилъ въ тюрьму заложникомъ его друга Пиѳія. И когда Дамонъ все-таки вернулся, Діонисій простилъ его и даже сдѣлался его другомъ. Исторія это очень трогательная, да вы ее, вѣрно, ужъ читали гдѣ-нибудь.

Ну, наступило Рождество. На третій день большіе выходятъ въ столовую, а на столѣ лежитъ афиша:

Группою знаменитыхъ артистовъ подъ управленіемъ г. Анатолина

сегодня представлено будетъ

Дамонъ и Пиѳій.

Костюмы, парики и декораціи собственныхъ мастерскихъ.

Начало въ шесть часовъ.

Гордонъ Крэгъ. Костюмъ дамы.

Папа прочелъ, посмотрѣлъ на Толю и спросилъ:

– Думаешь въ трагедіи найти свое призваніе?

Толя пожалъ плечами и отвѣтилъ, нехотя отвѣтилъ: «Увидите! Во всякомъ случаѣ, по своему складу душевному предпочитаю трагедію».

А вечеромъ,—не въ шесть, а часовъ въ семь, да еще съ половиной—состоялось у насъ представленіе, или «вечеръ съ приключеніями», какъ мы его потомъ прозвали.

Но я вамъ разскажу все, какъ было, по порядку.

Прежде всего, когда публика усѣлась по мѣстамъ, дядя Толя ни съ того ни съ сего велѣлъ Мухину объявить публикѣ, какъ въ настоящемъ театрѣ, что «Артистъ Анатолинъ нездоровъ и проситъ снисхожденія у публики». Мухинъ, какъ былъ въ парикѣ и костюмѣ, вылѣзъ къ публикѣ изъ-за занавѣса, а публика такъ и ахнула!

— Въ ночной лубаскѣ, въ ночной лубаскѣ!—кричитъ Жоржикъ.

— Уля!—запищала за нимъ Зиночка.

Мухинъ, конечно, поморщился и скоро-скоро сказалъ: «Господинъ Анатолинъ захворалъ и проситъ извинить за плохую игру».

— Браво! Бисъ! Молодецъ!—послышалось изъ публики.

Мухинъ вернулся за занавѣсъ.

— Оселъ!—шепнулъ ему Толя.—Заставь дурака Богу молиться, а онъ и лобъ расшибетъ: двухъ словъ сказать не умѣетъ. Теперь публика будетъ изъ-за всякаго пустяка гоготать. Петька, звони и подымай занавѣсъ!

Петя натянулъ веревки, занавѣсъ открылся, и дядя Толя съ Мухинымъ вышли на сцену.

— Великій государь,—началъ Толя,—сегодня истекаетъ срокъ, на который ты отпустилъ злодѣя Дамона; его другъ Пиѳій въ твоихъ рукахъ, казни же этого дерзкаго.

Мухинъ долженъ былъ отвѣтить: «Пусть сядетъ солнце, день еще не кончился; Дамонъ еще вернется. Я жду его, онъ далъ слово и не захочетъ погубить своего друга,—такъ долженъ былъ говорить свою роль Мухинъ, но онъ вѣрно смутился и тиранъ сиракузскій отвѣтилъ такъ:

— Пусть немножко подождетъ!

Чтобы ему на это сказалъ Толя ужъ я не знаю: дѣло въ томъ, что занавѣсъ у насъ вдругъ опустился...

— Кто смѣлъ трогать занавѣсъ?—закричалъ Толя.

— Я, я!—отвѣтилъ Петя,—у насъ вѣдь стражи нѣтъ, по книгѣ меня стража выводитъ, я только сейчасъ прочелъ.

И, представьте себѣ, вѣдь вѣрно: дядя Толя забылъ, что на сценѣ должна быть стража!

Въ это время папа заглянулъ за занавѣсъ и спросилъ, отчего у насъ такіе безпорядки.

Толя, конечно, объяснилъ, что вышло недоразумѣніе.

— Пришлите намъ сюда, пожалуйста, Витю съ Митей,—попросилъ онъ.

Публика ужъ топала ногами, кричала:—Ну-же начинайте! Бисъ, бисъ!

Витя съ Митей живо пролѣзли на сцену, и дядя Толя велѣлъ имъ поскорѣй одѣваться и быть стражей. А мы всѣ одѣлись такъ, какъ были нарисованы греки въ какой-то книгѣ «Классическія древности»—можно было или завернуться въ простыню, или просто надѣть рубашку и подпоясаться. Витя съ Митей посмотрѣли только на картинку и живо стали устраивать себѣ костюмы.

— Ну, начнемъ!—сказалъ тогда Толя.

И опять Петя зазвонилъ, и занавѣсъ поднялся.

— Великій государь!—началъ опять Толя, Мухинъ на этотъ разъ отвѣтилъ все, какъ слѣдовало; потомъ «Тиранъ» ушелъ по какимъ-то дѣламъ въ другую комнату своего дворца, а Гелонъ клялся передъ богами, что погубитъ Дамона и Пиѳія.

— О, великіе боги!—кричалъ дядя Толя—вы, которые все видите, вы, которые все знаете, заклинаю васъ, помогите мнѣ уничтожить враговъ моихъ!—и послѣ этого я долженъ былъ выйти на сцену.

Откровенно говоря, я струсилъ...

Да и подумайте, какъ-же не струсить: мы до сихъ поръ всегда играли въ театръ у себя въ дѣтской, безъ особенныхъ декорацій, просто влѣземъ всѣ на столъ и на столѣ что-нибудь представляемъ; зрителями у насъ бывали только няня Захаровна, да Жоржикъ съ Зиночкой, а тутъ вдругъ дядя Толя устроилъ настоящій театръ, и зрителей сидитъ много, человѣкъ вѣдь пятнадцать!

Вышелъ я на сцену...

Гордонъ Крэгъ. Фонарщики.

Шаржъ.

Артуръ Никишъ.

Вышелъ и стою; вижу: въ первомъ ряду сидятъ Жоржикъ и Зиночка. Онъ ее обнялъ, показываетъ на насъ пальцемъ, глазки свои прищурилъ и что-то ей нашептываетъ; засмотрѣлся-ли я на нихъ или просто струсилъ, но только все забылъ, что нужно было говорить, а дядя Толя кончилъ въ это время свои клятвы и ждетъ, чтобы я заговорилъ.

А я забылъ; ну, все рѣшительно забылъ!

Дядя Толя, наконецъ, обернулся ко мнѣ и шепчетъ:—Ну, будешь ты что-нибудь говорить? Могущественный Гелонъ...

Ну, тутъ я вспомнилъ: — Могущественный Гелонъ, я здѣсь, освободи друга моего Пиѳія.

— А! ты здѣсь, несчастный,— заговорилъ мнѣ въ отвѣтъ Гелонъ,— ты хотѣлъ избѣгнуть своей участи? О, великіе боги, взгляните на этого преступника!

Нужно вамъ сказать, что эти «о, великіе боги» всего раза три встрѣчались въ роли Гелона, но Толѣ эти слова очень нравились, и онъ ихъ повторялъ, когда ему вздумается. И вотъ, только онъ сказалъ: «О, великіе боги, взгляните на этого преступника», какъ Петя и Витя съ Митей вышли тоже на сцену: имъ нужно было начинать, когда Толя скажетъ въ послѣдній разъ слово «боги»; намъ съ Толей нужно было по пьесѣ еще немножко поговорить, а ужъ Пиѳій со стражей тутъ, какъ тутъ!

— Ну, куда ты лѣзешь? — сказалъ ему Толя, ужъ не по пьесѣ, а отъ себя.

— Я пришелъ отдаться во власть тирана сиракузскаго; срокъ, который...—началъ было Петя, но дядя Толя такъ на него посмотрѣлъ, что и стража и Пиѳій—назадъ, назадъ и спрятались!

— Браво!—закричали зрители, но Толя отъ этого нисколько не смутился,—онъ-то свою роль выучилъ твердо—и сейчасъ-же началъ разговаривать со мной дальше. Публика хоть и шумѣла въ это время и смѣялась, но мы даже не сбились съ нимъ ни разу и отлично договорили до того мѣста, когда долженъ былъ вернуться Мухинъ—тиранъ Діонисій. И съ нимъ разговоръ шелъ у насъ тоже гладко.

И пьеса уже подходила совсѣмъ къ концу, и даже Петя вышелъ, наконецъ, во-время, но ужъ такая была судьба этого представленія, что одна неудача должна была слѣдовать за другой, и самыя послѣднія слова пьесы такъ намъ и не удалось договорить: случилось небольшое происшествіе, и публика такъ расхохоталась, что дядя Толя разсердился и ушелъ со сцены, не докончивъ даже своей роли. Ушелъ и крикнулъ всѣмъ:—Я передъ такой публикой играть никогда больше не намѣренъ!

Вотъ что случилось.

Дошли мы до того мѣста, когда Діонисій поразился силой дружбы Дамона и Пиѳія. Всѣ молчатъ, потому что Діонисій думаетъ, не сдѣлаться-ли ему другомъ этихъ людей. Всѣ стоятъ и молчатъ, и даже публика перестала на время смѣяться: все-же пьеса-то была интересная; вѣдь это ужъ наша была вина, что были разныя неудачи.

И вотъ слышно, какъ Зина шепчетъ Жоржику:

— Золза!.. Золза!

— Ну?

— Золза! Смотли: у нихъ босикомыя ноги!

— А-го-го! Босикомыя, босикомыя!

— Тише,—говорятъ ему,—кто босикомъ? Жоржа, кто босикомъ?

— Вонъ эти!— А самъ со стула соскочилъ и прыгаетъ, точно обрадовался чему-то.

Мы, кто были на сценѣ, обернулись, смотримъ: наша стража—Витя съ Митей—стоятъ въ однѣхъ рубашкахъ и больше на нихъ ничего нѣтъ, все скинули! Ну, и всѣ покатились со смѣху: и мы и публика.

Мама съ Захаровной тѣ испугались даже, кричатъ:—Простудятся, ахъ, простудятся!

Такъ вотъ мы изъ-за этого трагедію и не доиграли. Да гдѣ ужъ тутъ!

Толя, какъ ужъ я вамъ сказалъ, разсердился, зрители полѣзли на сцену, и Жоржикъ первый. Весело сдѣлалось очень, ну, а ужъ отъ представленія ничего не осталось: всѣ занялись нашей стражей. Перепугались Витя съ Митей:— Мы,— говорятъ,—хотѣли, какъ на картинкѣ, мы больше не будемъ, мы больше не будемъ!

— Это все ты, это все ты! кричалъ дядя Толя на Мухина.

— Да что-же я-то?

— Нѣтъ,—кричалъ Толя,—больше отъ меня не дождутся, чтобы я устраивалъ въ этомъ домѣ спектакли!

— Да никто и не проситъ,—сказалъ ему папа, такъ-таки и сказалъ.

Ну, и что-же-бы вы думали? Вѣдь Толя такъ и не послѣдовалъ своему призванію, такъ и не сдѣлался никогда актеромъ! А ужъ отчего не сдѣлался—не могу вамъ сказать. Пожалуй, что таланта-то у него и не было; кричать-то, какъ онъ кричалъ: «О, боги»! — это всякій сумѣетъ, ну, а одного этого мало. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ опытные люди, знатоки.

Съ Мухинымъ онъ послѣ этого случая тоже поссорился, говорилъ, что все изъ за Мухина, будто, вышло. Просто—самъ не умѣлъ театра устроить: «Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ», какъ говорится въ баснѣ.

Николай Поповъ.

Альбомъ „Рампы“.

СЛОВАРЬ СЦЕНИЧЕСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

(*Продолженіе*).

Бокачичъ.

Ахъ! Лавры нынче не легки!
Онъ много трудится... Однако—
Болтаютъ злые языки:
Не мало трудится и клака!

Борисенко.

Всѣ, кто слышалъ, какъ я пѣлъ,
Говорятъ, что пѣлъ я чудно...
Но таковъ ужъ мой удѣлъ,
*Что меня **услышать** трудно...*

Барцалъ.

Я режиссировалъ съ чутьемъ,
Умѣлъ поставить на своемъ...
Я пѣлъ когда-то соловьемъ,
И былъ воспѣтъ въ стихахъ и въ прозѣ...
Ich frage: кто теперь поетъ?!
Не могутъ взять двухъ вѣрныхъ нотъ!
Я восклицаю: „o mein Gott!“
И пиво пью въ „Альпійской розѣ“...

А. Э. Блюменталь-Тамаринъ.

Ты любишь сцену безпредѣльно,
Изобрѣтателенъ смертельно...
Но... крикнуть хочется: постой!
Припомни старыя годины:
Ловѣрь, „Елена“ лучше „Фрины“,
А „Гейша“ лучше, чѣмъ „Постой“...

Н. Баліевъ.

Онъ какъ актеръ—„бэбэ“ покуда.
Но онъ растетъ исподтишка.
И въ „Синей птицѣ“ ужъ не худо
Играетъ взрослаго быка!

М. Бородай.

Въ антрепренерскомъ старомъ станѣ
Однимъ изъ первыхъ былъ онъ ранѣ...
Теперь отсталъ, завялъ, поблекъ.
И духу времени покорный
Сталъ слишкомъ близокъ къ сотнѣ черной
И отъ искусства сталъ далёкъ!

К. Бравичъ.

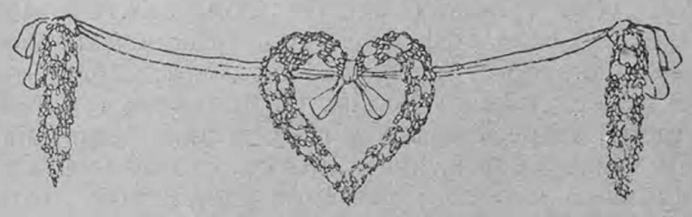
Мейерхольды, „Балаганчики“,
Декадентскіе болванчики.
Символисты — одуванчики
Разлетаются какъ дымъ...
Даровитый, образованный,
Въ этой безднѣ стилизованной,
Мейерхольдомъ образованной,
Онъ остался невредимъ!..

А. Бураковскій.

Себѣ не создалъ пьедестала...
Хоть старъ, но веселъ безконечно.
Переигралъ ролей не мало—
И... переигрываетъ вѣчно...

Lolo.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Москва.

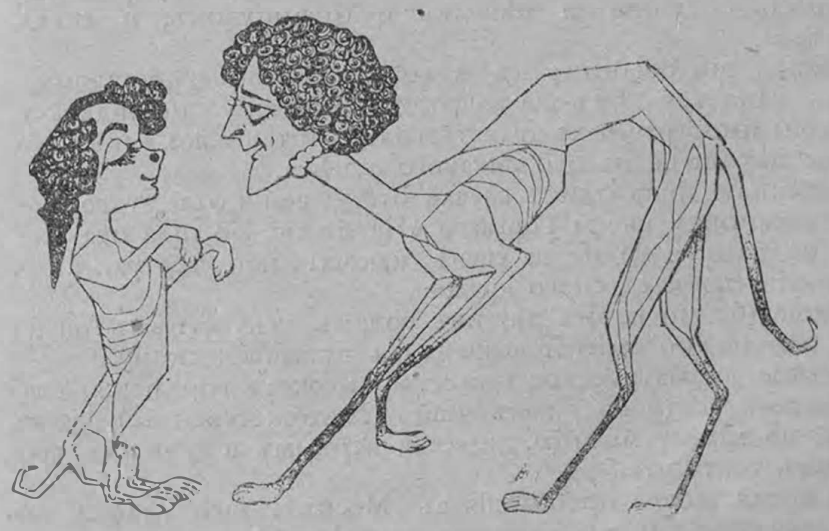
Въ литературно-художественномъ кружкѣ 22 ноября состоится посвященный памяти И. С. Тургенева спектакль, съ концертнымъ отдѣленіемъ, сборъ съ котораго поступитъ въ пользу общества дѣятелей періодической печати.

Въ началѣ пойдутъ двѣ пьесы Тургенева: «Провинціалка» и «Вечеръ въ Сорренто». Въ послѣдней выступитъ Л. В. Собиновъ въ роли «итальянца». Кромѣ г. Собинова, въ спектаклѣ и концертномъ отдѣленіи примутъ участіе: г-жи Гельцеръ, Ильнарская, Левшина, Ѳедотова, Терьянъ-Карганова, Брунъ и гг. Качаловъ, Н. В. Свѣтловъ, Максимовъ, Климовъ, Каміонскій, Борисовъ, Ѳедотовъ, Лебедевъ, Габенцкій, Дамаевъ, Сперанскій и композиторъ Гартевельдъ, который исполнитъ нѣсколько отрывковъ изъ своей оперы «Пѣснь торжествующей любви». Постановкой «Провинціалки» и «Вечера въ Сорренто» будетъ завѣдывать А. А. Ѳедотовъ. Устройствомъ спектакля завѣдуютъ Л. Г. Мунштейнъ (Lolo) и Я. Л. Розенштейнъ.

— Артистъ театра Корша Борисовъ, какъ мы слышали, будетъ приглашенъ въ составъ труппы Малаго театра.

— Артистъ Одесской труппы г. Багрова, г. Кузнецовъ, послѣ закрытаго дебюта принятъ въ составъ труппы московскаго Художественнаго театра на окладъ въ 2,400 руб. Если г. Багровъ не отпуститъ г. Кузнецова, дирекція Художественнаго театра уплатитъ неустойку. Въ «Синей птицѣ» г. Кузнецовъ будетъ дублировать въ роли Кота Москвину. Приглашенъ г. Кузнецовъ также и для исполненія роли Хлестакова.

Шаржъ Г. Петтера.



Пастораль „О маленькой Тасѣ“.
(Театръ Корша).

— Съ 11 ноября въ Интернаціональномъ театрѣ открылась предварительная продажа билетовъ на предстоящія въ декабрѣ гастроли Сарры Бернаръ, пріѣзжающей въ Москву съ полнымъ ансамблемъ своего парижскаго театра. Гастроли начнутся 13 декабря и продолжатся до 23 декабря. Знаменитая артистка выступитъ въ Москвѣ въ слѣдующихъ піесахъ: «Дама съ камеліями» (которая пойдетъ для перваго спектакля), «Орленокъ», «Колдунья», «Шуты», «Адріенна Лекувреръ», «Былое», «Тоска», «Сафо», «Гамлетъ» и «Родина».

— Ожидается въ Москву А. К. Глазуновъ. Онъ будетъ дирижировать въ ближайшемъ симфоническомъ собраніи русскаго музыкальнаго общества.

— Артуръ Никишъ черезъ мѣсяцъ будетъ снова въ Москвѣ и будетъ дирижировать здѣсь двумя концертами.

Одинъ изъ концертовъ будетъ устроенъ въ пользу общества оркестровыхъ музыкантовъ.

— Въ Маломъ театрѣ репертируютъ возобновляемый «Лѣсъ» Островскаго.

— Въ маломъ театрѣ уже состоялись двѣ репетиціи пьесы Гнѣдича «Холопы». Предстоитъ еще около двадцати репетицій. Пьеса пойдетъ въ началѣ декабря. Выдающіяся роли въ «Холопахъ» слѣдующія: Княжна Плавутина-Плавунцова (исполняетъ г-жа Ермолова)—семидесятилѣтняя старуха, фрейлина елизаветинскихъ временъ (дѣйствіе происходитъ въ эпоху императора Павла). Очень эффектна роль бывшаго крѣпостнаго Перейденова, который прожилъ около тридцати лѣтъ за границей и возвратился въ Россію, (исполняетъ г. Горевъ). Очень крупная и интересная роль у г. Южина—брата княжны Плавутиной-Плавунцовой, князя, котораго высылаютъ изъ Петербурга. Типична и очень характерна также роль дворецкаго (г. Рыбаковъ), стараго мажордома, и роль чиновника тѣхъ временъ Вѣточкина.

У Гордона Крэга.

Приглашенный въ Москву для переговоровъ о постановкѣ одной изъ шекспировскихъ пьесъ въ Художественномъ театрѣ, англійскій режиссеръ-новаторъ г. Гордонъ Крэгъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Р. У.» высказалъ слѣдующее на рядъ поставленныхъ ему вопросовъ:

— Англичане, — сказалъ Гордонъ Крэгъ, — въ театральномъ искусствѣ значительно отстали отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ. Возьмемъ хотя-бы тоже драматическое искусство, нашъ театръ. Лишь очень немногія пьесы иностранныхъ драматурговъ увидѣли у насъ свѣтъ рампы, большинство-же англійскихъ театровъ довольствуется пьесами мѣстныхъ драматурговъ.

Причинъ много. Прежде всего цѣль, къ которой стремятся всѣ наши impressario и директора театровъ—нажива. Ставятся на мѣстныхъ сценахъ только тѣ пьесы, которыя по мнѣнію антрепренеровъ могутъ содѣйствовать матеріальному успѣху предпріятія. Вторая причина—пуризмъ упорной англійской публики. Пьеса Ибсена «Привидѣнія», назначенная было къ постановкѣ въ одномъ изъ театровъ была запрещена, такъ какъ ее нашли безнравственной. Та-же участь постигла пьесу Метерлинка «Монна Ванна», которая должна была идти для гастрольныхъ спектаклей Элеоноры Дузэ.

— Если-же теперь вы зададите мнѣ вопросъ, почему-же не идутъ у насъ хотя-бы пьесы русскихъ драматурговъ, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ морали англичанъ, то я растерялся-бы и не нашелъ-бы другого отвѣта, кромѣ указанія на то обстоятельство, что одинаковую съ русскими драматургами участь постигла и нѣмцевъ и французовъ, и всѣхъ другихъ.

Каждый англичанинъ съ художественно-выработаннымъ вкусомъ, задается тѣмъ-же вопросомъ,—почему не идутъ у насъ пьесы иностранныхъ драматурговъ,—и такъ-же, какъ я теперь, не находитъ на это никакого отвѣта.

Вспоминаю лишь одинъ случай отступленія отъ этого правила, постановку пьесы Горькаго «На днѣ». Но шла она всего одинъ разъ и то не на сценѣ какого-либо театра, а въ исполненіи любительскаго кружка.

Отношеніе ко всѣмъ другимъ родамъ искусствъ въ Англіи почти однородно съ отношеніемъ къ драматическому.

Русское драматическое искусство можетъ гордиться, владѣя такимъ театромъ, какъ вашъ Художественный; этотъ театръ, по моему мнѣнію, является первымъ и лучшимъ европейскимъ театромъ.

За время моего пребыванія въ Москвѣ, мнѣ удалось видѣть слѣдующія пьесы въ этомъ театрѣ: «Синюю птицу», ее я смотрѣлъ нѣсколько разъ, «Дядю Ваню», «Горе отъ ума» «Вишневый садъ», »На днѣ» и «Доктора Штокмана»

Больше всего доставило мнѣ наслажденія «Синяя птица». Мнѣ пришлось какъ-то разговориться по поводу этой пьесы съ однимъ изъ зрителей.

«Синяя птица»—сказалъ онъ мнѣ, есть зрѣлище, которое мы способны воспринимать *только* глазами». Я на это отвѣтилъ ему, что это уже больше, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ *глаза*, есть тотъ путь, который передаетъ впечатлѣніе душѣ. Для ушей и мозга Метерлинкъ достаточно далъ въ своихъ словахъ, остальное можетъ лишь закончить чисто зрительное впечатлѣніе.

Идеалъ постановки состоитъ въ томъ, чтобы дать каждому отдѣльному зрителю найти свое впечатлѣніе въ сценической интерпретаціи пьесы.

Изъ чеховскихъ пьесъ мнѣ болѣе всего понравился «Дядя Ваня» но и о немъ я могу судить лишь чисто зрительнымъ путемъ, такъ какъ отсутствіе знанія языка не даетъ возможности судить объ остальномъ.

* * *

ТЕАТРЪ КОРША. Почему г. Крашенинниковъ назвалъ свою пьесу—«О маленькой Тасѣ» пасторалью—это его собственный секретъ.

Съ такимъ-же и даже съ бо́льшимъ правомъ этимъ претенціознымъ названіемъ можно назвать любую пьесу Чехова, Найденова—кого угодно.

А между тѣмъ это кричащее названіе заставляетъ пристальнѣй присматриваться къ рисунку пьесы, искать въ ней нѣчто такое, чего въ ней нѣтъ.

Пьеса г. Крашенинникова весьма простенькая и по структурѣ, и по психологіи дѣйствующихъ лицъ, и по тяготѣнію къ незатѣйливому быту, быту Чехова—безъ его озаренной проникновенной грусти, быту Найденова—безъ его блестящей техники и яркихъ характеристикъ.

И въ пьесѣ все время слышатся перепѣвы слишкомъ хорошо знакомыхъ мотивовъ и въ общемъ это производитъ тоже впечатлѣніе, какъ и та музыка, которую музыканты называютъ характернымъ терминомъ Cappell meister musik.

Все сдѣлано гладко, очень чистенько и словъ такъ много хорошихъ, и бѣлая дѣвушка въ бѣлой комнаткѣ страдаетъ такъ красиво, такъ трогательно, и съ такимъ надрывомъ рыдаетъ пьяненькій докторъ—но все это не свое, не новое слово, все это компиляція, правда, компиляція изъ очень хорошихъ авторовъ, но все-таки компиляція.

Вотъ первый актъ—тиранъ-отецъ, страдающія дѣти—это подъ «Дѣтей Ванюшина»; вотъ во второмъ танцуютъ гости, изъ фужера пьетъ водку пьяный докторъ, бьющій себя кулакомъ въ грудь, и жестоко обличающій и себя и окружающихъ—это все лоскутки Чехова, весь рисунокъ скроенъ изъ обрывковъ чеховскаго творчества, изъ его «хмурыхъ людей».

А въ третьемъ, въ чеховскій ажурный рисунокъ ворвались призывы къ яркому солнцу, къ смѣлости жизни, отдающіе и Арцыбашевымъ и даже Каменскимъ и буквально повторяющіе бальмонтовское «Будемъ, какъ солнце».

Но вкусъ у автора несомнѣнно не дурной, воспитанъ онъ на настоящей литературѣ, на прекрасныхъ образцахъ и поэтому его пьеса при всѣхъ ея недостаткахъ смотрится съ удовольствіемъ и на ней, право, даже отдыхаешь послѣ всѣхъ этихъ драматическихъ издѣлій мастеровъ, нагло крикнувшихъ нашей сценѣ «иду на вы» и взявшихъ ее въ полонъ.

И мысли попадаются у автора хоть небольшія и Америку не открывающія, но любопытныя и цѣнныя—хотя-бы: «не надо боятся быть чистымъ».

И потомъ такого рода драматическія коллизіи всегда будутъ трогать зрителя.

Люди, жалкіе, маленькіе, слѣпые люди, искали солнца, а оно, маленькое, свѣтлое, ясное солнышко угасало срели безшумнаго хаоса жестокости, разнузданности, тупости, непониманія.

И не согрѣло никого своимъ свѣтомъ солнышко, а люди такъ безумно хотѣли этого свѣта, тепла и оно само такъ страстно рвалось отдать людямъ свои животворные лучи.

И когда вы смотрите маленькія страданія маленькой Таси, вы чувствуете такую печаль и на встрѣчу автору звучатъ въ вашей груди отвѣтныя струны.

Играютъ пьесу хорошо.

Г-жа Ардатова трогательная Тася.

Она на сценѣ, дѣйствительно, ребенокъ, а не «подъ ребенка», а это такъ много значитъ. И несложныя страданія дѣтской души ей какъ разъ по силамъ и полутонъ пьесы какъ разъ по діапазону ея дарованія.

Очень хорошъ г. Борисовъ въ роли пьянаго доктора.

Недуренъ и г. Чаринъ въ роли писателя, хотя на его долю выпадаетъ самая неблагодарная аадача не разговаривать, а разонерствовать.

У г-жи Комаровской для вакханки есть изумительные глаза, но нѣтъ темперамента, а темпераментъ тутъ все-таки важнѣй глазъ.

До «маленькой Таси» поставили одноактную «Коломбину»

Ванда Ландовска въ гостяхъ у скульптора Родена.

Корна, гдѣ авторъ пытается дать современную арлекинаду съ продающейся коломбиной, старымъ рамоли-арлекиномъ и застрѣливающимся мужемъ-паяцомъ.

Пьеса не Богъ вѣсть какой глубины, но въ ней есть интересные моменты.

Но ее погубило невозможное исполненіе.

Г-жа Карелина-Раичъ опять въ драматическіе моменты показывала ажурный чулокъ, г. Рамазановъ вызывалъ одинъ смѣхъ.

Р.

* * *

«АИДА» У ЗИМИНА. Послѣ интересныхъ, художественныхъ постановокъ оперъ Мусоргскаго и Сѣрова, Новый театръ, какъ-бы застылъ на мѣстѣ.

Со «Сказокъ Гофмана» уже замѣтно регрессивное движеніе, поворотъ въ сторону рутинныхъ, на скорую руку слаженныхъ постановокъ.

Нѣтъ основанія привѣтствовать и возобновленіе «Аиды».

Уже по одному тому, что оперу эту можно съ успѣхомъ смотрѣть въ Большомъ театрѣ. Тамъ она занимаютъ господствующее положеніе. Становится совершенно непонятнымъ, почему Новый театръ рѣшилъ дублировать этотъ шедевръ. Единственное объясненіе—показать вокальныя силы труппы.

Партіи распредѣлены между г. Дамаевымъ — Радамесъ, г-жей Брунъ—Аида, г-жей Карениной-Амнерисъ и Коміонскимъ—Амонасро.

У одного только г. Дамаева вы чувствуете свѣжій, тембристый голосъ, который заставляетъ васъ мириться съ недостаткомъ опытности, не вполнѣ законченной школой. Г. Дамаевъ поетъ искренно, не жалѣя своего богатаго матеріала.

Изъ остальныхъ, уже послужившихъ оперѣ, артистовъ на первое мѣсто ставимъ г-жу Брунъ. Пѣвица, умѣющая управлять своимъ большимъ, но уже нѣсколько потускнѣвшимъ голосомъ. Опытная, музыкальная артистка.

И это вліяніе неумолимаго времени особенно выступаетъ при сравненіи съ голосомъ Дамаева. Не въ смыслѣ силъ звука.

Въ этомъ отношеніи трудно сказать, кто перекричитъ.

Я разумѣю внѣшнюю красоту, свѣжесть, сочность звука. Еще менѣе удовлетворительна Амнерисъ—г-жа Каренина. Ея голосъ, какъ матеріалъ, не представляетъ цѣнности, что особенно чувствуется въ итальянской оперѣ, главнымъ образомъ построенной на вокальной сторонѣ. Что пѣвица музыкальна, умѣетъ владѣть голосомъ—безспорно. Поэтому въ партіи Маринны она не вноситъ той дисгармоніи, какая чувствуется въ «Аидѣ».

Остается сказать о г-нѣ Каміонскомъ. По своимъ, когда-то хорошимъ голосовымъ средствомъ онъ вполнѣ подходитъ къ двумъ соперницамъ—Аидѣ и Амнерисъ. Сила его больше въ имени, чѣмъ въ вокальныхъ данныхъ и передачѣ.

Послѣднія—ниже средняго и лишь напоминаютъ о прежнемъ исполненіи артиста.

Въ цѣломъ были отдѣльные удачные моменты, но блестящій вокальный ансамбль отсутствовалъ.

Лучше поменьше «именъ», но побольше свѣжихъ, непосредственныхъ дарованій.

Н. Куровъ.

* * *

ТРЕТІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ. Третій историческій концертъ подъ управленіемъ Ю. С. Сахновскаго начался весьма любопытной въ историческомъ отношеніи B-dur'ной симфоніей чешскаго композитора Іоганна Штамица, наиболѣе виднаго представителя мангеймской школы, являющагося вмѣстѣ съ Фр. Ксаверомъ Рихтеромъ, Антономъ Фильцемъ и др. родоначальникомъ классической симфоніи и прямымъ предшественникомъ Гайдна. Такъ мангеимцы — писали по большей части симфоніи въ четырехъ частяхъ, ввели менуэтъ въ качествѣ третьей, придавали большое разнообразіе нюансировкѣ въ теченіи частей и шли къ освобожденію отъ Basso continuo.

Въ сыгранной симфоніи I. Штамица имѣется еще эта партія Continuo, писавшаяся тогда цифрованнымъ басомъ для исполненія на клавишныхъ инструментахъ, при чемъ исполнитель импровизировалъ остальные голоса гармоніи и украшенія, пассажи, и т. п., что въ данномъ концертѣ удачно дѣлалъ г. Риземанъ на рояли.

Надъ симфоніей, представляющей извѣстныя трудности для исполненія видимо поработали и не напрасно: она понравилась. Менуэтъ, намъ кажется, слѣдовало сыграть въ болѣе быстромъ темпѣ, хотя веселость и игривость были приданы ему только Гайдномъ, а первоначально это былъ строгій даже важный танецъ. Но какъ будто и въ этомъ мангеймцы были предшественниками вѣнской школы. Изумительно, съ идеальнымъ проникновеніемъ въ духъ моцартовской музыки сыграла г-жа Ванда Ландовска фортепьяный концертъ Es-dur (съ каденцей Гуммеля).—Это было само совершенство. Очень хорошо, особенно въ adagio и финалѣ, велъ оркестровый аккомп-

Опера С. И. Зимина.

„Аида“

Радамесъ-Дамаевъ.

паниментъ г. Сахновскій. Г-жа Ландовска въ той-же степени прекрасно исполнила сонату C-dur Гайдна и на bis—на клавесинѣ свое переложеніе стариннаго французскаго танца Bourrée d' Auvergne, танецъ Ground знаменитаго англійскаго композитора XVII вѣка H. Purcell и уже извѣстныя намъ сонату Скарлатти и Тамбуринъ-Рамо. В. Ландовска имѣла огромный и вполнѣ заслуженный успѣхъ; это весьма своеобразное, и высоко культурное музыкальное явленіе. Въ исполненіи Моцарта и Гайдна едва-ли кто можетъ съ ней соперничать—Весело, но безъ излишней торопливости была сыграна моцартовская увертюра къ оп. «Похищеніе изъ сераля». Вообще г. Сахновскій замѣтно прогрессируетъ въ дирижерской техникѣ, что особенно сказалось при исполненіи четвертой симфоніи короля симфонистовъ-Бетховена. Въ симфоніи этой, изображающей по толкованію комментаторовъ внутреннюю борьбу, которую переживаетъ въ себѣ геній, въ противоположность Eroic'ѣ, рисующей міръ во всеоруженіи и героя на смерть бьющагося за возвышенную цѣль, г. Сахновскому очень удались: первая часть, въ Allergo, который шумитъ, бурлитъ, мечется вся страстность юности и особенно удивительное Adagio, съ его кристально чистой, какъ горное озеро, музыкой. Adagio произвело истинно «бетховенское» впечатлѣніе на какъ-то, особенно притихнувшихъ углубившихся въ себя, (вспомните картину Балестріери) слушателей.

Третью часть, что-то среднее между менуэтомъ и Scherzo, въ которой чувствуется, Гайднъ, и Моцартъ, замѣчательную по совершенству формы и фактуры, хотѣлось-бы слышать въ болѣе быстромъ темпѣ.

Н. Бас.

* * *

КОНЦЕРТЪ Г. ГАЛЬСТОНА. Участвовавшій въ послѣднемъ симфоническомъ собраніи Императорскаго музыкальнаго общества, піанистъ Готфридъ Гальстонъ, далъ 10 ноября Clavier—abend въ маломъ залѣ консерваторіи.

Программа концерта состояла изъ произведеній Баха, Листа и Шопена, при чемъ составлена не совсѣмъ по обычному трафарету; такъ напримѣръ: Баху отведено цѣлое отдѣленіе, затѣмъ слѣдуетъ Листъ, а въ концѣ—Шопенъ, тогда какъ піанисты обыкновенно въ такихъ случаяхъ всегда играютъ Листа въ концѣ. Я не помню случая за свое пребываніе въ Москвѣ, чтобъ Бахъ занималъ цѣлое отдѣленіе въ Clavier abend'ѣ, и въ публикѣ даже слышались сѣтованія на артиста—«не скучно-ли будетъ?» Но г. Гальстонъ блестяще доказалъ, что Баха можетъ слушать и большая публика съ интересомъ, при условіи, конечно, такого превосходнаго исполненія. Игралъ онъ цѣлую серію органныхъ произведеній его, въ обработкѣ для ф-п., Бузони. Послѣдній теперь одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Баха. Имъ переработано значительное количество органныхъ сочиненій для ф-п., изданъ знаменитый «Wohlemperir les clavier» съ очень цѣнными указаніями для исполнителей и пр. Органная прелюдія и фуга D-dur есть и въ переложеніи г. Д'Альбера, но у Бузони она удачнѣе: тамъ больше виртуозности,—здѣсь ближе къ органу, т.-е. къ подлиннику, а это важнѣе. Превосходно звучатъ также четыре хорала и чакона. Надо отдать справедливость г. Гальстону, что играетъ онъ Баха, и именно органныя произведенія, изумительно хорошо. Онъ на это время превращается изъ піаниста въ органиста: онъ не нюансируетъ, а мѣняетъ регистры, какъ въ органѣ. Особенно ярко проявилось это умѣніе артиста придавать звуку рояля особую окраску органа—въ двухъ хоралахъ: «Wachet auf, ruft uns die Stimme» и «Ich ruf zu Dir, Herr».

Въ первомъ изъ нихъ казалось, что басъ и тему играютъ два различныхъ инструмента.

Повторяю, г. Гальстонъ рѣдкій исполнитель Баха, владѣетъ въ совершенствѣ стилемъ, играетъ поразительно выдержанно, не соблазняется дешевыми виртуозными эффектами, къ чему очень часто прибѣгаютъ піанисты. Далѣе слѣдовалъ Листъ, сочиненія котораго артистъ играетъ тоже хорошо, но уже значительно блѣднѣе, чѣмъ Баха: нѣтъ того величія, а моментами и страстности, которыхъ требуетъ интерпретація произведеній этого автора.

Въ частности, что касается «Mephisto-Walzer», тутъ упрекъ можно адресовать г. Бузони, передѣлавшему эту пьесу. Я не понимаю, зачѣмъ вообще передѣлывать Листа, превосходно владѣвшаго фортепіано и умѣвшаго писать для него. Г. Бузони захотѣлъ подойти ближе къ оркестровой партитурѣ, но изъ этого ничего не вышло, получилась излишняя нагроможденность.

Третье отдѣленіе состояло изъ прелюдій и этюдовъ Шопена. Изъ прелюдій лучше всего артистъ сыгралъ № 23, F. dur, поразительно отвлеченно звучавшую и № 16 b-moll; популярная-же прелюдія Des-dur № 15 прошла наименѣе удачно, и темпъ былъ слишкомъ скоръ, и благодаря маршеобразному движенію, средняя часть утратила совершенно свой драматическій характеръ. За то въ этюдахъ г. Гальстонъ показалъ себя и громаднымъ виртуозомъ, и очень тонкимъ піанистомъ Поразительно закончено и граціозно сыгранъ этютъ ор. 25 № 5 e—moll, очень легко звучали этюды ор. 25 № 2 и № 6.

Въ общемъ—г. Гальстонъ первоклассный піанистъ и большой музыкантъ, исполненіе его всегда серіозно, никогда не грѣшитъ отсутствіемъ чувства мѣры. Что-же касается внѣшнихъ данныхъ, они всѣ на лицо: громадная техника, красивый тонъ и удивительная легкость. Піанистъ имѣлъ большой и совершенно заслуженный у публики успѣхъ сыгралъ нѣсколько пьесъ на bis, но тутъ уже чувствовалась усталость, а можетъ быть публика мѣшала играть, окруживъ эстраду тѣснымъ кольцомъ.

Нельзя сказать, чтобъ это былъ удобный и особенно пріятный для артиста способъ выражать восторгъ: на эстрадѣ дѣлается такая жара, что дышать нечѣмъ, а отъ этого врядъ-ли исполненіе выигрываетъ.

М.

* * *

ВТОРОЙ КАМЕРНЫЙ ВЕЧЕРЪ Б. СИБОРЪ и М. БУКИНИКЪ. Второй вечеръ Г. Сиборъ и М. Букиникъ привлекъ еще больше слушателей, чѣмъ первый. Очевидно, московская публика вошла во вкусъ камерной музыки. Изъ віолончельной сонаты Брамса, исполненной гг. Игумновымъ и Букиникомъ,—артистами весьма неравнаго достоинства,—мы слышали только послѣднюю часть, содержащую довольно милую музыку. Превосходный квартетъ Шумана A—dur былъ сыгранъ недурно, съ одушевленіемъ, даже горячностью, но и здѣсь неравенство силъ партнеровъ давало себя чувствовать. Непріятно дѣйствовало также и дирижированіе г. Сибора (стоящаго головой выше своихъ собратьевъ по квартету), что еще болѣе подчеркивало нѣкоторую неувѣренность исполненія. Хорошо прошелъ септетъ Бетховена ор. 20, никогда нами не слышанный, полный очаровательной, свѣжей, молодой музыки.

* * *

КОНЦЕРТЪ ИРЕНЫ ЭНЕРИ. Тяжелый осадокъ остался у насъ на душѣ отъ концерта одиннадцатилѣтней піанистки Ирены Энери и именно потому, что это дѣйствительно изъ ряду вонъ (хотя и не въ той степени, какъ П. Шалитъ) духовно и музыкально одаренный ребенокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, что сдѣлаетъ съ ней, съ ея еще неокрѣпшимъ, неустановившимся талантомъ, такое слишкомъ раннее соприкосновеніе съ «большой» публикой? Что, если она сомнетъ, изуродуетъ, раздавитъ этотъ нераспустившійся бутонъ, быть можетъ прекраснаго царственнаго цвѣтка, опошлитъ, принизитъ до своего уровня художественнаго пониманія, «воспитаетъ» своими аплодисментами и своимъ равнодушіемъ, привьетъ свои вкусы и свое безвкусье. И вырастетъ не художникъ—властитель сердецъ, а концертантъ—слуга, угождающій публикѣ-покупательницѣ, ищущій не высотъ искусства, а успѣха, успѣха во что-бы то ни стало и какими-бы то ни было способами, хотя-бы и идущими въ разрѣзъ съ цѣлями искусства...

Замѣтьте, что говоря такъ мы находимся не въ области пессимистическихъ гадательныхъ предположеній, но на вполнѣ реальной почвѣ,—стоитъ только вспомнить судьбу громаднаго большинства слышанныхъ нами истинныхъ (а бываютъ и дутые) Wundenkind'овъ.

Н. Бас.

* * *

БАЛЕТЪ.—Говорить о «Спящей красавицѣ», 9-го ноября, значитъ еще разъ констатировать успѣхъ г-жи Балдиной. Это, если не ошибаемся, всего третій ея выходъ въ этомъ балетѣ. На протяженіи такого малаго количества спектаклей нельзя-бы, кажется, замѣтно усовершенствовать исполненіе, но у г-жи Балдиной опять новые и новые ракурсы въ позахъ.

Во второмъ актѣ есть прямо поразительные туры.

Лучше всего въ этой артисткѣ то, что всѣ ея позы и танцы состоятъ изъ мимики,—одухотворены.

Что касается до другихъ исполнителей, то о нихъ приходится дословно повторить то, что говорили мы о прошлыхъ спектакляхъ.

Кордебалетъ опять и опять грѣшилъ противъ держанія линіи и одновременности вступленій.

Какъ бороться съ этимъ?—На нашъ взглядъ отнюдь не дисциплинарными мѣрами, а путемъ моральнаго воздѣйствія. Немного больше вниманія къ этимъ безцвѣтнымъ труженицамъ сцены и онѣ создадутъ стройное цѣлое. Развѣ нельзя убѣдить въ томъ, что въ интересахъ ансамбля необходимо больше вниманія и что какія либо движенія въ родѣ оправленія костюма въ паузахъ, беззастѣнчивое разсматриваніе публики—посторонніе «движенія и другія очень замѣтны публикѣ и разомъ разрушаютъ и безъ того убогій ансамбль»..

N. N.

Петербургскія письма.

IV.

Очень пріятно въ полъ-голоса, въ тѣсной компаніи посудачить о человѣкѣ, еще вчера красовавшемся на видномъ посту, а сегодня вдругъ, поворотомъ судьбы, распластанномъ поперекъ проѣзжей грязной дороги. Совсѣмъ непріятно передавать подобныя сплетни въ печати. Хотѣлось-бы мнѣ, вашему лѣтописцу петербургской театральной дѣйствительности, обойти молчаніемъ жалостную исторію съ П. П. Гнѣдичемъ. Но слишкомъ упорно торчитъ она передъ глазами вотъ ужъ вторую недѣлю, странная и нелѣпая видомъ. И страннѣе всего ведетъ себя въ ней самъ потерпѣвшій...

Слухи о предстоящемъ уходѣ носились съ начала сезона, но самые злобные языки, радуясь этому, ни однимъ словомъ не заикались о какой-бы то ни было «преступности» уходящаго. Гнѣдича обвиняли главнымъ образомъ въ томъ, что онъ слишкомъ усердно слѣдовалъ примѣру судьи изъ крыловской басни, угодившему прямо въ рай исключительно потому, что «за дѣла не принимался». Говорили такъ, что у Гнѣдича болѣе всѣхъ инстинктовъ развить инстинктъ самосохраненія. Изъ оттѣтственной службы, требующей прежде всего творческой дѣятельности, онъ создалъ въ родѣ игры въ шахматы, въ которой разные «рокировки» вокругъ короля важнѣе наступательнаго движенія. Приносилъ-ли драматургъ новую пьесу, вступалъ-ли въ труппу новый актеръ, затѣвалась-ли интересная новая постановка,—о каждомъ большомъ и маломъ явленіи можно было такъ или иначе добиться опредѣленнаго мнѣнія и опредѣленнаго дѣйствія ото всѣхъ прикосновенныхъ къ сему лицъ, начиная директоромъ Теляковскимъ и кончая суфлеромъ Агафоновымъ, но только не отъ управляющаго репертуаромъ и труппою. Всѣ въ театрѣ куда-то «шли» и старались, каждый по мѣрѣ своего разумѣнія, куда-то «придти»,—управляющій труппой никуда не шелъ: онъ заботился только о томъ, чтобы въ этомъ массовомъ и многообразномъ движеніи кто-нибудь не наступилъ ему на мозоль.

Вотъ и всѣ обвиненія. За такой способъ службы можно, пожалуй, въ концѣ-концовъ и спросить: «за что-же вамъ, собственно, деньги платятся? У насъ, вѣдь, не шахматы, а гораздо болѣе серьезное дѣло»... Но скандала, понятно, при такомъ разговорѣ, быть не могло. Закончили-бы честь-честью начатый сезонъ, а потомъ ужъ весной и свели послѣдніе счеты. Не пожалѣли-бы человѣка,—пожалѣли-бы доброе имя театра.

Какъ вдругъ разносится вѣсть: произошелъ экстренный разговоръ позднею ночью. Разговоръ краткій и бурный... Гнѣдичъ не ожидалъ. Еще наканунѣ онъ распредѣлялъ роли въ новой пьесѣ, давалъ обѣщаніе на мѣсяцъ впередъ... Жадные до сенсаціи хроникеры бросились къ потерпѣвшему на квартиру,—скрылся въ Финляндію...

Понятно, что сплетни посыпались какъ изъ мѣшка. Сплетни ужасныя, позорящія честь человѣка. Оказывается, говорятъ, что тутъ ужъ если и пахнетъ «судьей», то не крыловскимъ, а гоголевскимъ,—любителемъ псовой охоты...

У каждаго человѣка есть не только враги, но и друзья. Есть они и у Гнѣдича. Сообщили ему о подобныхъ слухахъ въ Финляндію. Онъ немедленно примчался обратно—и говоритъ...

Вотъ тутъ-то и начинается самое пикантное всей исторіи. Если-бы въ моемъ корреспондентскомъ багажѣ были лишь сплетни другихъ о Гнѣдичѣ, то я бы не рискнулъ ихъ вамъ сообщить. Мало-ли что

Опера С. И. Зимина.

„Аида"

Ермоленко-Южина—Аида.

Опера С. И. Зимина.

„Аида“
Жрецъ-Шувановъ.

болтаютъ о человѣкѣ! Но тутъ ужъ началъ дѣйствовать и высказываться самъ человѣкъ.

Итакъ, возвратился Гнѣдичъ къ друзьямъ въ Петербургъ и говоритъ имъ:

— Да! Можете-ли себѣ представить?.. Дѣйствительно, точно. Взялъ да и обвинилъ: «такъ-молъ и такъ!..»

Друзья всполошились:

— Но это ужасно! И это, конечно, неправда, и эту гнусность надо остановить! Вѣдь объ этомъ звонитъ весь городъ. Что-же вы, милый другъ, думаете теперь предпринять?..

И г. Гнѣдичъ сообщилъ имъ свой планъ, очевидно детально обдуманный въ тишинѣ финляндской усадьбы. Планъ заключается въ слѣдующемъ.

Директора Теляковскаго призвать къ третейскому суду. Просить друзей и доброжелателей отвѣчать на всѣ возможныя сплетни, что всѣ онѣ—ложь. Просить драматурговъ, въ послѣднее время ставившихъ на Александринской сценѣ свои пьесы, подписать заявленіе, что ихъ пьесы поставлены тамъ безъ всякихъ постороннихъ искусству ухищреній.

Вотъ факты, извѣстные мнѣ и провѣренные мною до послѣдняго дня. Прибавлю къ нимъ развѣ еще одинъ штрихъ. На другое утро послѣ знаменитаго «ночного» объясненія съ директоромъ г. Гнѣдичъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Финляндію, заѣхалъ въ театръ на репетицію, былъ очень веселъ, потиралъ руки и говорилъ всѣмъ: «Ухожу-съ! И очень доволенъ. Наконецъ-то я развязался съ непріятною должностью. Очень, очень доволенъ!..»

Отъ какого-бы то ни было моральнаго обсужденія я уклоняюсь. Если угодно, дѣлайте выводы сами. Я бы только позволилъ себѣ навести на способы дѣйствія потерпѣвшаго маленькую критику чисто-практическаго свойства. Можетъ-быть я, въ простотѣ душевной, и ошибаюсь, но, право, въ подобномъ ужасномъ положеніи я-бы повелъ себя нѣсколько иначе. Прежде всего, я-бы не дѣлалъ вида, что «очень доволенъ», а заоралъ-бы не только на другое утро, а въ ту-же ночь на весь городъ: «Люди добрые! Слыхали новости? Меня, честнаго человѣка, обвиняютъ въ томъ-то и томъ-то!» Затѣмъ, я-бы не прибѣгнулъ къ коллективному заявленію ни драматурговъ, ни актеровъ и никакихъ иныхъ подобныхъ лицъ, ибо тотъ злой языкъ, который рѣшилъ меня погубить, все равно-бы сказалъ: «какой-же драматургъ сознается, что его пьеса была принята помимо ея художественныхъ достоинствъ?..» Наконецъ—зачѣмъ же *третейскій* судъ? Г. Теляковскій даже и по закону, какъ говорятъ, въ качествѣ придворнаго чина, не можетъ принять подобнаго вызова. И я-бы говорилъ о судѣ не келейно съ друзьями, но черезъ печать, предъ лицомъ всей Россіи.

А впрочемъ—suum cuique. У всякаго свой умъ и характеръ....

Въ Новомъ театрѣ поставили новую пьесу Л. Андреева «Дни нашей жизни». У Коммиссаржевской готовятъ его же «Черныя маски»; въ Александринскомъ—его же «Любовь къ ближнему». Что то ужъ слишкомъ сталъ плодовитъ г. Андреевъ,—не надорвался бы. Поклонники знаменитаго корифея, конечно, лишь улыбнутся моему опасенію: «Андреевъ—титанъ. Онъ одолѣетъ не только три пьесы въ годъ, а хоть бы и трижды три». Но я не принадлежу къ его безусловнымъ поклонникамъ и стою на своемъ. Всесвѣтно признанные титаны,—Толстой, Тургеневъ,—не разъ въ своей жизни умолкали на нѣсколько лѣтъ, набираясь съ новыми силами, и это было въ гораздо болѣе спокойное время, нежели наше.

Относительно «Дней нашей жизни» мнѣніе критики рѣзко разошлось. Иные, какъ и всегда и всему андреевскому, поютъ панегирики, другіе, наоборотъ, не жалѣютъ самыхъ жестокихъ фразъ, вплоть до слова: «макулатура». Это послѣднее слово, конечно, излишне рѣзко, но долженъ признаться, что лично я считаю послѣднее произведеніе г. Андреева, безотносительно къ имени автора, значительно «ниже средняго». Искренно пялю глаза на панегиристовъ, стараюсь понять: откуда, какимъ образомъ они ухитрились разглядѣть въ этой недоношенной вещи столь много восхитительныхъ достоинствъ?

Андреевъ, конечно, очень талантливъ; конечно и тутъ есть нѣсколько яркихъ, вѣрныхъ мазковъ. Одинъ изъ такихъ мазковъ — встрѣча студентовъ съ вахлакомъ-поручикомъ, пріѣхавшимъ въ первый разъ въ своей жизни въ Москву изъ какого-то захолустья. Къ студентамъ относится онъ съ величайшей почтительностью. Всякій молодой человѣкъ въ студенческой формѣ представляется милому простаку колоссомъ ума, таланта и образованности, а потому и всякое слово, оброненное имъ — достойнымъ благоговѣнія. Студентъ Онуфрій сказалъ мимоходомъ какую-то заѣзженную остроту насчетъ души и водки, не имъ даже придуманную, а милый Григорій Иванычъ уже восхищается: «Замѣчательно вѣрно! Извѣстно — студентъ. Образованіе, талантъ! Обожаю»!..

Извините за критику на критиковъ, но ей-Богу же мнѣ панегиристы андреевской пьесы представляются въ родѣ описаннаго поручика. На авторѣ пьесы мундиръ удивительнаго таланта,—ergo и въ пьесѣ все «замѣчательно вѣрно»! Первое дѣйствіе: студенты съ дѣвицами пришли пикникомъ на Воробье-

вы горы, любуются видомъ Москвы, восхищаются колокольнымъ звономъ, поютъ хоромъ «Не осеній» и «Быстры какъ волны», напиваются пивомъ и водкой, острятъ надъ заикою Блохинымъ, страшно любящимъ пѣніе, но безбожно врущимъ на каждой нотѣ... И панегиристъ-поручикъ уже восхищается: «Удивительно вѣрно! Совсѣмъ какъ въ жизни! И какъ свѣжо! Такъ и вѣетъ отъ пьесы наивною безшабашною юностью»!... Во второмъ дѣйствіи, сидя со своимъ Колечкой на бульварѣ, бѣдная Оля признается ему, что два дня ужъ не ѣла; въ это-же время проходятъ два военныхъ писарька и съ важнымъ видомъ бесѣдуютъ о слишкомъ тѣсныхъ сапогахъ, отравляющихъ жизнь... И панегиристъ-поручикъ опять тутъ какъ тутъ: «Поразительно схвачено! Именно такъ и бываетъ въ подлинной жизни: и по два дня не ѣдятъ, и тутъ же музыка играетъ, и ходятъ мимо глупые писаря»...

И не хочетъ поручикъ-панегиристъ подумать, что художество вовсе не въ томъ, что случается въ жизни, а только лишь въ томъ, какъ это случается. Длинная пьеса Андреева—только лишь схема пьесы, костякъ. Все намѣчено вѣрно, всѣ главныя линіи на мѣстахъ, но этого мало, ибо костяхъ—далеко еще не живой организмъ. Особенно показателенъ въ этомъ отношеніи третій актъ. Мать продаетъ ласки своей молоденькой дочери состоятельному господину фонъ-Ранкенъ. Да, все это въ жизни бываетъ: безсердечная мать, несмотря на слезы дочери, продаетъ ее, и жестокіе циники покупаютъ, несмотря ни на что. Но развѣ *такъ* происходитъ это, какъ изображено въ пьесѣ? Циникъ, какъ бы онъ ни былъ жестокъ, любитъ прикрасить свой грязный актъ, если не для своей жертвы, то хоть бы для себя самого, создать хотя бы отдаленную иллюзію «любви». Но какая же тутъ иллюзія, если дѣвица, безъ кровинки въ лицѣ, плачетъ въ его объятіяхъ и поетъ ему, вмѣсто «вальсовъ», похоронныя пѣсни?..

Я сегодня отнялъ у журнала слишкомъ ужъ много мѣста. Пора кончать, а хотѣлось бы много еще сказать по поводу этой пьесы, чрезвычайно характерной для творчества г. Андреева въ послѣдніе годы. Его пьеса, въ которой онъ ухитрился «подмѣнить все, что бываетъ въ подлинной жизни», въ лучшемъ случаѣ напоминаетъ если и не костякъ, то тщательно сдѣланную восковую фигуру, которая «даже дышитъ». Есть много людей, которые обожаютъ подобные «музеи Гревенъ», а я еще въ дѣтствѣ обѣгалъ ихъ за полверсты...

Надо отдать должное режиссеру Е. П. Карпову; онъ постарался для дорогого гостя, какъ говорится, «во-всю». Просто удивительно, какъ онъ на этой сценѣ-тарелочкѣ ухитрился дать въ первомъ дѣйствіи такую широкую, полную свѣта и воздуха панораму. Прекраснъ вечерній звонъ «сорока-сороковъ». Очень удаченъ во второмъ дѣйствіи бульваръ и эпизодическія фигуры, его наполняющія. Превосходно играли Судьбининъ (студентъ Онуфрій, тщетно мечтающій о «тихомъ семействѣ»), Александровскій (захолустный поручикъ) и В. Карповъ (заика-студентъ). Главныя роли были поручены Самойлову и Садовской. Оба исполнителя очень талантливы, но и они не могли выжать много изъ неблагодарнаго матеріала.

Пьеса Андреева, само собою разумѣется, дѣлаетъ полные сборы,— съ чѣмъ и поздравляемъ симпатичный театръ.

Шмель.

Петербургъ.

Антреприза г. Сѣверскаго въ Екатерининскомъ театрѣ потерпѣла крахъ 12 ноября. Явившись вечеромъ, по обыкновенію, на спектакль, артисты съ удивленіемъ увидали вывѣшенное объявленіе антрепренера. Въ короткихъ, но достаточно краснорѣчивыхъ выраженіяхъ г. Сѣверскій сообщалъ о своемъ крахѣ. Потерпѣвъ убытокъ въ 10,980 руб. 30 коп., онъ-де вынужденъ прекратить дѣло.

— Въ Петербургѣ въ суворинскомъ театрѣ съ среднимъ успѣхомъ прошла «Повѣсть въ трехъ частяхъ» І. Радзивилловича «Сумерки». Это не пьеса, раздѣленная на акты и явленія, а именно повѣсть — въ нѣсколькихъ главахъ, въ трехъ частяхъ, образующихъ два естественные перерыва или антракта, причемъ главы отдѣлены другъ отъ друга безъ опусканія занавѣса: на мгновеніе дѣлается темно, а когда даютъ свѣтъ, то предъ зрителемъ уже новая глава или сцена, непосредственно вытекающая изъ содержанія предыдущей. Этотъ способъ позволяетъ автору сохранить на сценѣ такіе, казалось бы, исключительно белетристическіе пріемы, какъ отступленіе въ область прошедшаго героевъ повѣсти. Мало того, на сценѣ оказалось вполнѣ возможнымъ даже символическое изображеніе тѣхъ или иныхъ душевныхъ переживаній, въ родѣ напримѣръ заключительной главы, когда въ душѣ дѣйствующихъ лицъ словно прозвучалъ нѣкій голосъ: «Довольно словъ, пора къ дѣлу».

— Д. Айзманъ закончилъ пьесу «Жены»; пьеса на-дняхъ будетъ читаться въ кружкѣ литераторовъ.

— В. Ф. Коммиссаржевская, посовѣтовавшись съ выдающимися юристами, рѣшила предъявить искъ объ убыткахъ, причиненныхъ ей внезапнымъ запрещеніемъ пьесы Уайльда «Царевна». Искъ будетъ поддерживать В. А. Маклаковъ.

— С. Юшкевичъ читалъ у М. С. Савиной свою новую пьесу «Деньги». На чтеніи присутствовали режиссеры Александринскаго театра и артисты

Пьеса пойдетъ въ одномъ изъ частныхъ столичныхъ театровъ.

— К. А. Варламовъ обратился къ дирекціи съ просьбой дать ему отпускъ на великій постъ.

Опера С. И. Зимина.

„Аида“
Амонасро-Каміонскій.

За рубежомъ.

Слухи о томъ, что покойный Викторьенъ Сарду оставилъ послѣ себя нѣсколько новыхъ произведеній, подтвердились. Такъ скоро появится написанная имъ въ сотрудничествѣ съ Гольдемаромъ, спеціально для англійской сцены драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ изъ временъ революціи «L'insaisissable» и двѣ вещи, написанныя въ сотрудничествѣ съ Эм. Моро—комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Madame Tallon и четырехъ-актная драма, названіе которой пока неизвѣстно.

— Забастовка миланскихъ музыкантовъ, требовавшихъ прибавки жалованья, приняла колоссальные размѣры. Во всѣхъ театрахъ оркестры разошлись. Оперы и оперетки идутъ подъ акомпаниментъ піанистовъ, сопровождаемый криками и свистомъ недовольной публики.

— Парижскія синематографическія фирмы рѣшили выпускать кромѣ лентъ съ эпизодическимъ и феерическимъ содержаніемъ, также и ленты съ воспроизведеніемъ пользующихся успѣхомъ театральныхъ постановокъ, причемъ на экранъ синематографа будетъ переносится подлинная игра участвующихъ въ пьесѣ артистовъ. Такимъ образомъ, теперь и драматическіе артисты нашли себѣ новый побочный заработокъ. Оперные же уже давно его имѣютъ, напѣвая въ граммофоны...

Новая пьеса Амфитеатрова.

(„Княжна Настя“).

Въ XXIV сборникѣ «Знанія», только что вышедшемъ въ свѣтъ, помѣщена пьеса А. Амфитеатрова „Княжна Настя».

Въ печать уже давно проникли слухи объ этой пьесѣ: говорили, что она предложена авторомъ Художественному театру для постановки; говорили, что ни одному другому театру Амфитеатровъ не разрѣшитъ постановки данной пьесы, такъ какъ, по его мнѣнію, правильная сценическая интерпретація «Княжны Насти» возможна только въ Художественномъ театрѣ, и т. д., и т. д.

И вотъ, наконецъ, появилась сія пьеса; и что-же? Вмѣсто глубоко интересной пьесы, возможной только въ постановкѣ Художественнаго театра, мы находимъ въ этомъ *новомъ* произведеніи Амфитеатрова перепѣвы его *старыхъ* и давно уже устарѣвшихъ повѣстей и романовъ; примелькавшіяся лица глядятъ на насъ со всѣхъ страницъ этой пьесы...

«Княжна Настя»—обычный романъ Амфитеатрова, и въ ней, въ этой пьесѣ особенно ярко подчеркнуты характерныя черты «письма» Амфитеатрова: отсутствіе психологическаго анализа, загромождение развертывающагося дѣйствія введеніемъ совершенно ненужныхъ «дѣйствующихъ лицъ», обиліе «толстыхъ намековъ» на «тонкія обстоятельства» современной жизни, обычное стремленіе Амфитеатрова «объять необъятное», дать «полную картину» современной общественной жизни, и въ результатѣ всего этого, всѣхъ этихъ «обширныхъ плановъ»—неглубокое, ординарное изображеніе «страннички русской жизни».

Такихъ романовъ, повѣстей, драмъ, какъ «Княгиня Настя», слишкомъ много появилось за послѣдніе годы на русскомъ книжномъ рынкѣ; и что всего изумительнѣе—ни одна изъ попытокъ дать «полную картину русской жизни» не увѣнчалась успѣхомъ: всѣ эти попытки превращались или въ шаблонные, претенціозные и тенденціозные разсказики, или въ фельетоны съ публицистическимъ оттѣнкомъ типа произведеній Амфитеатрова—Боборыкина. И не только вѣчно скользящимъ по поверхности жизни, никогда не проникавшимъ въ ея тайники Амфитеатрову или Боборыкину, и не только имъ не удалось зафиксировать въ художественномъ изображеніи жизни Россіи въ эти послѣдніе четыре—пять лѣтъ; не удалось это и такимъ проникновеннымъ аналитикамъ человѣческой души, какъ Философову, Мережковскому и Гиппіусъ. Плодъ ихъ совмѣстнаго, коллективнаго творчества, злосчастная пьеса «Маковъ цвѣтъ»—немногимъ лучше «твореній» Амфитеатрова, Боборыкина и К°. Что-то роковое лежитъ въ этомъ неумѣніи выявить, художественно выявить *душу* русской общественной жизни...

Содержаніе «княгини Насти», этого «романа для театра» (такъ самъ авторъ охарактеризовалъ свою пьесу!) несложно.

Дочь московскаго богатѣя Настя Хромова, которую всѣ еще въ пансіонѣ называли «золотою телкой», купила себѣ за «приличную мзду» мужа съ княжескимъ титуломъ: «княгиня Латвина, согласитесь, звучитъ красивѣе, чѣмъ Настасья Хромова», такъ говоритъ сама «княгиня Настя».

Мужъ оказался у «княгини Насти» очень «удобнымъ»: все время живетъ въ «далекихъ краяхъ», въ Каирѣ, въ Хіосѣ, покашливаетъ тамъ, и за это получаетъ «приличное вознагражденіе».

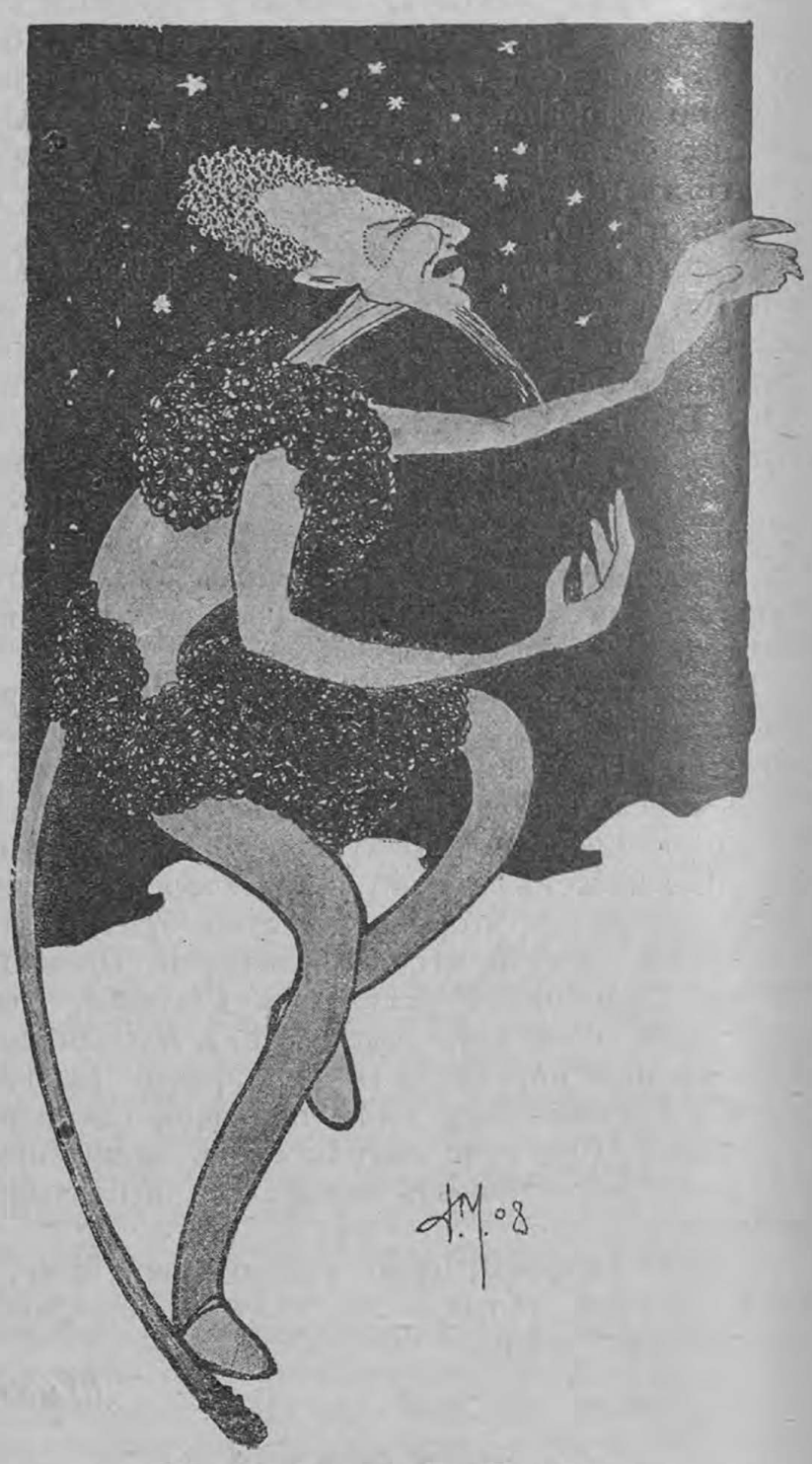
Княгиня Настя вертитъ всей Москвой; не разъ она сходилась и расходилась съ мужчинами, но теперь она влюблена, влюблена въ первой разъ въ жизни, влюблена безумно въ «благородно-красиваго» (такъ характеризуетъ его самъ авторъ!) Алябьева; Алябьевъ, отпрыскъ когда-то славнаго, но теперь захирѣвшаго дворянскаго рода, послѣдній представитель его... Сердцемъ «княгини Насти» онъ завладѣлъ, главнымъ образомъ, потому... что никогда не смотрѣлъ на нее, какъ на «золотоносную курицу»; Алябьевъ долженъ скоро лишится своего послѣдняго родового имѣнія, но онъ гордъ и непоколебимъ: на всѣ предложенія «княгини Насти» помочь ему деньгами онъ съ неумолимой суровостью отвѣчаетъ: «Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!»

Но Алябьевъ не любитъ «княгини Насти», онъ потерялъ, вообще, способность кого-бы то ни было любить; его уже ничто не интересуетъ: онъ разочарованъ въ жизни, онъ ищетъ смерти...

Счастливый случай ему помогъ: судьба посылаетъ къ нему нѣкоего Лаврентьева; кто такой этотъ Лаврентьевъ, что онъ изъ себя представляетъ, одинъ Аллахъ, да еще, очевидно, авторъ вѣдаетъ! Онъ неожиданно является изъ какого-то «чернокожаго царства», «главнокомандующимъ арміей его величества Мбузу VII»; появляется для того, чтобы навербовать «кондотьеровъ» въ армію сего Мбузу VII, такъ какъ его величеству, чернокожему королю, благоугодно было

Опера „Черевички“ у Зимина.

Шаржъ Де-Ми.



Г. Сперанскій-Чортъ.

затѣять съ какимъ-то своимъ сосѣдомъ войну. Цѣль поѣздки Лаврентьева въ Москву не только навербовать «кондотьеровъ», но и убѣдить московскихъ купцовъ въ томъ, что центральная Африка очень важна для нихъ въ коммерческихъ цѣляхъ для сбыта хлопка или еще чего-то...

Алябьеву скучно, ему надоѣла жизнь, и вотъ онъ рѣшаетъ покончить съ собой, но его смерть должна привести пользу другимъ; прежде всего онъ предлагаетъ свои услуги въ качествѣ «кондотьера» Митѣ Климову, дальнему родственнику «княгини Насти», изображающему въ сей пьесѣ революціонера, но Митя, этотъ «видный революціонеръ», раздражается тирадой о томъ, что «кондотьеры» *имъ* не нужны людямъ вѣрующимъ; что умирать всякій умѣетъ, но *лишь* нужны умирающіе съ вѣрой въ то, за что они умираютъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ все хорошія, справедливыя, но всѣмъ давно извѣстныя слова. Алябьевъ, получивъ «отказъ» со стороны Мити, соглашается на предложеніе Лаврентьева и отправляется съ нимъ «къ чернокожимъ». Передъ своимъ отъѣздомъ Алябьевъ говоритъ «княгинѣ Настѣ», что путешествіе въ центральную Африку только прогулка, чтобы она не томилась безъ него, ждала его; пусть она хлопочетъ о разводѣ: по возвращеніи изъ Африки онъ, наконецъ, исполнитъ ея завѣтное желаніе, женится на ней! Алябьевъ уѣзжаетъ.

«Княгиня Настя» ждетъ—не дождется возвращенія Алябьева. Онъ одинъ ей дорогъ, имъ однимъ она только и живетъ; и когда, вдругъ, получается извѣстіе, что Алябьевъ убитъ, что его больше уже нѣтъ въ живыхъ, «Княгиня Настя» теряетъ голову, въ ней пробуждается звѣрь, пробуждается Храмова: она клянется, что единственной цѣлью ея жизни отнынѣ будетъ только «высасываніе соковъ», что она всѣхъ пуститъ по міру, нѣтъ отнынѣ въ ней жалости ни къ кому! И она сажаетъ на скамью подсудимыхъ графа Оберталя, поддѣлывавшаго ея векселя, бывшаго ранѣе ея любовникомъ! Поддѣлка обнаружилась еще до смерти Алябьева, и тогда «княгиня Настя» простила графа Оберталя, но теперь у нея нѣтъ болѣе жалости; Алябьевъ унесъ въ могилу все человѣческое въ ней!

Очень видную роль въ пьесѣ играетъ Оберталь: племянникъ виднаго бюрократа генерала Долгоспиннаго, онъ также «былъ купленъ» купеческой дочерью Карасиковой. Но Лариса Карасикова, купивъ графа Оберталя, желаетъ всегда держать его «въ зависимости» отъ себя, не желаетъ, чтобы онъ имѣлъ «свои капиталы», не даетъ ему денегъ!

Графъ Оберталь получаетъ, благодаря своему дядюшкѣ казенный подрядъ на поставку шпалъ для одной изъ строящихся желѣзнодорожныхъ линій; денегъ у него нѣтъ, но генералъ Долгоспинный въ своемъ вѣдомствѣ «хозяинъ»: онъ выдаетъ племянничку субсидію изъ внесеннаго-же племянничкомъ залога! Но генералъ Долгоспинный «слетѣлъ»; грозитъ страшный скандалъ, даже, можетъ-быть, судъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто Долгоспиннаго занялъ какой-то его личный врагъ. И вотъ Оберталь, по совѣту растовщика Овчинникова, (подставное лицо, черезъ которое «княгиня Настя» сбдѣлываетъ свои дѣлишки, «высасываетъ соки!») рѣшился поддѣлать «бланкъ» «княгини Насти» и, такимъ образомъ, получить нужные во избѣжаніе скандала семьдесять пять тысячъ! «Княгиня Настя» сама желаетъ получить этотъ подрядъ, и вотъ она ловитъ Оберталя въ раскинутыя ею-же сѣти: она уже рѣшила, получивъ подложные векселя, потребовать отъ Оберталя переуступки подряда! Все идетъ какъ по маслу, подрядъ уже въ рукахъ «княгини Насти», Оберталь «прощенъ», но вдругъ получается извѣстіе, что Алябьевъ убитъ: просыпается звѣрь въ «княгинѣ Настѣ», разсчетъ «молчитъ», и она, какъ я уже выше излагалъ, сажаетъ графа Оберталя на скамью подсудимыхъ!

Кромѣ этихъ главныхъ персонажей въ пьесѣ масса вводныхъ, эпизодическихъ лицъ: «московскій баринъ» Реньякъ и присяжный повѣренный Мѣховщиковъ,—представители партіи «кающихся дворянъ» (такое названіе по пьесѣ.); художникъ Ратомскій, теноръ Ратнеръ, журналистъ Альбатросовъ и даже профессоръ-технологъ Груздевъ, желающій, чтобы «княгиня Настя» пріобрѣла электромоторъ его изобрѣтенія! Въ первомъ актѣ выведенъ еще московскій «тузъ» Антиповъ, кулакъ-заводчикъ, котораго подстерегаютъ революціонеры при его возвращеніи съ бала «княгини Насти»; Антиповъ убитъ, и въ этомъ убійствѣ участвуетъ Митя Климовъ, революціонеръ, дальній родственникъ «княгини Насти».

Вышеперечисленными дѣйствующими лицами далеко не исчерпывается весь ихъ списокъ: въ пьесѣ выведены еще «кристальной чистоты женщина» сестра «княжны Насти»—Таня, и alter ego княгини, ея наперстница, горничная Марья Григорьевна, и жуликоватый адвокатъ Бурминъ, и еще, и еще, и еще...

Амфитеатровъ хотѣлъ дать намъ «полную картину» русской современной жизни, а далъ мелькающіе блики, ничего не говорящіе ни уму, ни душѣ...

В.

Опера С. И. Зимина.

„Аида“
Царь-Запорожецъ.

Провинція.

Баку. Въ бенефисъ талантливой артистки г-жи Астровой труппа Кручинина сыграла «Среди цвѣтовъ» съ Астровой въ главной роли.

— Т-во армянской труппы рѣшило отпраздновать 17-го ноября 50-лѣтіе армянской сцены. Къ юбилею приглашены изъ Тифлиса драматургъ Сундчіанъ и артистъ Теръ-Давтянъ.

Екатеринославъ. 9-го ноября состоялся концертъ В. Н. Петровой-Званцевой и Н. А. Миклашевскаго.

— 11 ноября состоялся концертъ Р. М. Раисовой.

Елисаветградъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Зимній сезонъ въ нашемъ театрѣ открылся 26-го сентября комедіей «Горе отъ ума».

Антреприза А. И. Дорошевича. Составъ труппы: г-жи Астрова, Аленина, Бородкина-Дорошевичъ, Иваницкая, Мурина, Ремнева, Романовская, Силина, Степанова, Свѣтозарова, Статковская, Сокольская, Стрѣльская, Трубецкая и др.; г-да: Арнольдовъ, Бернацкій, Бѣлинскій, Бурлакъ, Ге, Дорошевичъ, Дымскій, Ивановъ, Козыревъ-Сокольскій, Прозоровскій, Самаринъ-Волжскій, Сергѣевъ, Юлинъ, Янушевъ и др. Главн. режиссеръ А. М. Дорошевичъ; режиссеры: Прозоровскій и Янушевъ, помощн. Москвинъ, суфлеръ Бухштабъ.

Въ женскомъ персоналѣ первое мѣсто занимаетъ г-жа Бородкина-Дорошевичъ, артистка безусловно талантливая, понравившаяся публикѣ съ первыхъ-же спектаклей. Были у нея очень интересныя, красиво-отдѣланныя роли, но все-таки, это еще не все то, что мы привыкли требовать отъ артистки, занимающей въ труппѣ мѣсто премьерши.

Симпатичное впечатлѣніе производятъ своей игрой г-жи Мурина, Романовская, Свѣтозарова, изъ старухъ—Степанова и Аленина.

Мужской персоналъ сильнѣе женскаго. Главныя роли исполняетъ г. Дорошевичъ, артистъ нервный съ темпераментомъ, произведшій сильное впечатлѣніе въ такихъ роляхъ, какъ Чацкій, Свенгали, Гроссманъ.

Опытный артистъ г. Самаринъ-Волжскій, но ему много мѣшаетъ ежеминутно срывающійся голосъ.

Комика въ труппѣ de facto нѣтъ; замѣняетъ его г. Козыревъ-Сокольскій, берущійся и за резонерскія роли, а потому очень слабо исполняющій ихъ (Фамусовъ). И очень жаль, что артистъ такъ раздваиваетъ свое дарованіе: по своимъ несомнѣннымъ, чисто-комическимъ даннымъ (артистъ, между прочимъ, обладаетъ богатѣйшей мимикой) долго останавливаться въ выборѣ амплуа г. Козыреву-Сокольскому вовсе не приходится.

Просто и задушевно играетъ г. Прозоровскій. Данные имъ образы Ванюшина, Репетилова, Дедявкина («Казен. квартира») убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Прозоровскій очень интересный артистъ.

Вторые персонажи—г-да Дымскій, Бѣлинскій, Бернацкій, Бурлакъ—много и умѣло способствуютъ успѣху труппы.

Репертуаръ: «Король» (2 р.), «Дуракъ» (3 р.), «Женитьба Бѣлугина» (2 р.), «Анна Каренина» (2 р.), «Кинъ», «Трильби», «Казенная квартира» (2 р.), «Жить хочется» (2 р.), «Три Сестры», «2×2=5», «Чортъ», «Пасынки жизни» и др.

Сборы недурны; пока на кругъ взято 289 рублей.

Закасай.

— На сценѣ театра комитета трезвости начались спектакли русско-украинскаго кружка гг. Максимова, Тѣльникова и Иванова. Для открытія шла комедія «Бѣдность не порокъ». Изъ малорусскаго репертуара назначена «Цыганка Аза».

Кіевъ. Въ бенефисъ г. Болховскаго шелъ «Дуракъ» Фульда.

— Въ помѣщеніи дворянскаго собранія состоялся «Вечеръ современной пѣсни» г-жи Е. И. Кульженко-Мусатовой.

— Концертмейстеръ кіевской оперы г. Берглеръ ѣздилъ на конкурсъ, назначенный московскимъ Большимъ театромъ для занятія открывшейся вакансіи на должность концертмейстера. Г. Берглеръ выдержалъ экзаменъ и былъ зачисленъ въ Императорскій театръ концертмейстеромъ, но потомъ отказался отъ этой должности и по прежнему остается въ Кіевѣ концертмейстеромъ городского театра и преподавателемъ при муз. школѣ Н. А. Тутковскаго.

Минскъ. Въ городскомъ театрѣ продолжаются при среднихъ сборахъ малорусскіе спектакли О. К. Саксаганскаго.

Николаевъ. Въ труппѣ Н. Михайловскаго состоялась ребьевка бенефисовъ. Первый бенефисный спектакль—28 ноября.

Новочеркасскъ. Г-жа Дарьялъ въ свой бенефисъ поставила «Даму съ камеліями».

— Въ Новочеркасскъ снова пріѣзжаетъ на нѣсколько спектаклей опереточная труппа С. И. Крылова.

— На 5 декабря назначенъ концертъ Вялыцевой.

Одесса. Въ городскомъ театрѣ 25-го ноября бенефисъ В. Л. Юреневой. Идетъ «Хохотъ».

— Въ одесскомъ Новомъ театрѣ вскорѣ пойдетъ пьеса извѣстнаго еврейскаго писателя Гиршбейна «Падаль».

— Въ бенефисъ Н. Н. Фигнера въ Сибиряковскомъ театрѣ шла «Тоска».

— Въ Гор. театрѣ еще до Рождества предполагается поставить «Синюю птицу» Метерлинка, причемъ за неимѣніемъ вращающейся сцены будетъ устроена двухярусная, которая дастъ возможность всѣ 8 картинъ этой фееріи ставить почти безъ антрактовъ. Новыя декораціи будутъ написаны по рисункамъ Ю. М. Дмитрова. Костюмы и обстановка будутъ изготовлены по образцамъ моск. Художс. театра. Музыкальные номера, а также балетъ будутъ выдержаны въ одномъ стилѣ.

— Въ театрѣ «Гармонія» начались спектакли фарсовой труппы г-жи Черновской и г. Чернова, съ участіемъ польской артистки г-жи Ласки.

— Въ театральной комиссіи получено было предложеніе о сдачѣ гор. театра отъ извѣстнаго артиста А. И. Соколовскаго (антрепренера харьковскаго гор. театра). Заявленіе это не разсматривалось за пропускомъ срока.

Омскъ. 5 ноября состоялся концертъ капеллы Ю. Д. Славянскаго.

Рига. 8 ноября состоялось открытіе латышскаго театра. Была поставлена пьеса «Земля», соч. пастора Недре. Пьеса была сыграна образцово. Съ галлереи бросилъ внизъ кто-то бутылку съ вонючей жидкостью. Несмотря на химическую обструкцію, пьеса была сыграна до конца.

— Съ большимъ успѣхомъ выступила въ нѣсколькихъ концертахъ пѣвица Тилли Куненъ.

Рязань. Городской театръ въ настоящій моментъ эксплоатируетъ вновь образовавшаяся антреприза г-жи Кіенской и гг. Бѣляева, Зарѣчнаго и Ратмирова. Репертуаръ смѣшанный: комедія, фарсъ и драма.

Саратовъ. Въ городскомъ театрѣ въ бенефисъ г-жи Лилиной шла пьеса «Новый міръ».

— Малороссы въ театрѣ Очкина, по свидѣтельству «Сар-Вѣстн.», завоевываютъ вниманіе публики.

Симферополь. Въ городскомъ клубѣ начались спектакли опереточной труппы г. Рафальскаго.

Смоленскъ. Состоялись 4 гастроли братьевъ Адельгеймъ. Были поставлены: «Король» Юшкевича, «Разбойники», «Гамлетъ» и «Кинъ».

Таганрогъ. На нѣсколько спектаклей пріѣзжаетъ драматическая труппа С. И. Крылова.

Ташкентъ. Въ военномъ собраніи состоялись гастроли, какъ гласитъ афиша, «opera, concert en fraque». Составъ исполнителей: г-жи Теодорова, Аргунина, Мадзарелли, Долинская, Ростовцева; гг. Ахматовъ, О. Ларскій, Осиповъ, Грессеръ, Ефимовъ.

Репертуаръ: «Аида», «Фаустъ», «Тоска», «Риголетто».

Это что за опера—«en fraque»?

Тифлисъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Театральное дѣло въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Тифлисѣ обстоитъ благополучно. Въ настоящее время функціонируютъ два театра: опера въ казенномъ театрѣ подъ управленіемъ Антона Эйхенвальда и въ театрѣ Артистическаго общества драма М. И. Питоевой-Бѣлецкой. Привожу составъ драматической труппы (по алфавиту); г-жи: Борегаръ, Васильчикова, Волгина-Покровская, Вольская, Демидова, Дымова, Кошева (арт. театра Корша), Леонтьева, Невѣрова, Панова (арт. Импер. театр.), Суворина, Шевченко-Красногорская, Шигровская, Ягелло. Гг.: Аяровъ, Баратовъ (арт. с.-петерб. театра Литер.-худ. о-ва), Берстовскій, Воскресенскій, Вѣринъ, Глубковскій, Губинъ, Деревьшаковъ, Зиновьевъ, Мамонтовъ, Михайловъ, Парамоновъ, Разсудовъ-Кулябко, Рукавишниковъ, Сахаровъ и Терченко. Режиссеры: Аяровъ А. Г., Зиновьевъ А. Л., Разсудовъ-Кулябко В. И. и Терченко Е. И. Пом. режиссера: Брянчаниновъ-Поповъ С. И. Суфлеры: Карповъ В. Г., Невеличко А. К. Администраторъ Бузенъ А. С.

Труппа весьма приличная, если не сказать болѣе. Питоева-Бѣлецкая ведетъ переговоры еще съ нѣсколькими артистами, и потому отъ драмы въ текущемъ сезонѣ желать большаго не приходится.

Изъ режиссеровъ пока обратилъ на себя вниманіе г. Зиновьевъ постановкой «Короля» Юшкевича. Ему-же поручена постановка «Потонувшаго колокола» и другихъ болѣе или менѣе сложныхъ, обстановочныхъ пьесъ. Особеннымъ успѣхомъ пользуется г-жа Кошева («Генеральша Матрена»). Искренній, задушевный тонъ, непринужденныя манеры, умѣніе держаться на сценѣ—все это вмѣстѣ взятое подкупаетъ зрителя съ перваго-же момента появленія ея на сценѣ. Обращаютъ на себя вниманіе публики: г. Баратовъ, Зиновьевъ (великолѣпный простакъ), Вольская, Мамонтовъ, Аяровъ и Разсудовъ-Кулябко.

Подписавшая контрактъ въ труппу М. Я. Биренсъ не пріѣхала. Труппа лишилась прекраснаго актера и товарища М. Ѳ. Незнамова, скончавшагося въ Тифлисѣ отъ туберкулоза легкихъ. Онъ не успѣлъ даже выступить здѣсь.

Публика въ самомъ началѣ сезона почему-то относилась къ труппѣ недовѣрчиво и спектакли шли при обидно маломъ количествѣ публики. Но съ теченіемъ времени труппа сумѣла зарекомендовать себя и дѣла поправились.

Изъ поставленныхъ до сихъ поръ новинокъ болѣе всего пришелся по вкусу мѣстной публикѣ «Дуракъ» Фульда, прошедшій нѣсколько разъ при переполненномъ театрѣ.

Объ оперѣ въ слѣдующій разъ.

Л. Осиповъ.

— Въ казенномъ театрѣ гастролируетъ бывшій артистъ оперы Зимина Н. Коржевинъ.

Харьковъ. 8-го ноября въ залѣ дворянскаго собранія прошелъ при переполненномъ залѣ концертъ Л. С. Ауэра.

— Въ драматическомъ театрѣ состоялся спектакль въ пользу сиротъ артиста Н. С. Песопкаго. Шла пьеса «Къ новому Богу».

— 9-го ноября состоялся концертъ М. И. Долиной.

— Оперный театръ сданъ на великопостный сезонъ гг. Якушову и Безпалову, подъ оперетту или фарсъ.

— Изъ состава драматической труппы Соколовскаго выбылъ г. Мурскій.

Харбинъ. Въ Общедоступномъ театрѣ Данилова начались спектакли «перваго нормальнаго (?) товарищества оперно-опереточныхъ артистовъ». Репертуаръ первыхъ спектаклей: «Травіата», «Супруги XX вѣка», оперетта изъ еврейской жизни «Жена Лотта, «Санъ-Той».

Репертуаръ-то не очень «нормальный»!

Ярославль. На 21-ое назначенъ концертъ сестеръ Э. и Г. Кристманъ при участіи піаниста С. В. Самуэльсона.

Редакторы-издатели { *Л. Г. Муштейнъ (Lolo).* *Э. М. Бескинъ.*

КОРСЕТЫ
М-МЕ БОНИ.

МОСКВА, СТОЛЕШНИКОВЪ ПЕР., ДОМЪ ЯКОРЬ. ТЕЛЕФОНЪ 57-87.

ТОЛЬКО НОВѢЙШІЕ ФАСОНЫ ПО ПОСЛѢДНИМЪ МОДЕЛЯМЪ.

НОВОСТЬ: КОРСЕТЪ **„CACHE-VENTRE“** ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩІЙ ТРИКО.

КОРСЕТЫ СОБСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ ОТЪ 10 РУБ.

СЪ ОПЕРНЫМИ АРТИСТАМИ

и ученик. проход. партіи сценически **бывш. арт. Худож. театра**. Перегов. ежедн. до 1 час. дня. Каретный рядъ, 2-й Знаменскій пер., домъ 12, кв. 3 (второй этажъ).

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

Альманахъ „СПОЛОХИ“ томъ IV.

Содержаніе:—Т. **Ардовъ**. „Люди“ разск.—Ю. **Александровичъ**. „Литературныя заѣтки“ (Нигилизмъ и нео-гилизмъ. Отъ Базарова къ Санину. Была ли у насъ порнографія. Что думаетъ читатель о порнографіи (анкета). Критическій разборъ современ. толстыхъ журналовъ).—**Мих. Бескинъ**. Стихи.—**Ив. Бѣлоусовъ**. Стихи.—**Ф. Благовъ**. Стихи.—**Юрій Бочаровъ**. Стихи.—**Сергѣй Городецкій**. Стихи.—**Вл. Гиляровскій**. Стихи.—**Пав. Георгіевъ**. Стихи.—**Мих. Волгаринъ**. „Слѣпая“—новелла.—**Пав Егоровъ**. Стихи.—**Леонидъ Лобачевъ**, **Ивановъ-Каринскій**. Стихи.—**Павелъ Плоховъ**. „Разбитыя грани“—повѣсть.—**А. Поздняковъ**. Стихи.—**Сергѣй Хазовъ**. Стихи.—**А. Чернышовъ**. Стихи.—**Влад. Ютановъ**. „Исчерпанные рудники“—романъ.

Редакторъ П. Л. Плоховъ.

Все изданіе поступаетъ въ книжные магазины Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, Москва—Петербургъ.

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ
А. К. ЦИГЛЕРЪ.

СТАРИННОЕ ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ УНИЧТОЖАЕТЪ ЗАСТАРѢЛЫЯ МОЗОЛИ СЪ КОРНЕМЪ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

ЦѢНА 30 и 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Главный складъ настоящаго мозольнаго пластыря у А. К. ЦИГЛЕРЪ.

МОСКВА, МАЛЫЙ КАЗЕННЫЙ ПЕР., ДОМЪ ФЛЕГОНТОВА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

„ШУТЫ“

комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Замокоиса, въ стихотворномъ переводѣ Lolo (Л. Мунштейна). Репер. театра Корша.

Цѣна 1 руб.

Продается въ редакціи „Рампа“.

МУЗЫКА.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ, Франка Ведекинда. Переводъ Э. Бескина. Къ представленію дозволена 10 мая 1908 г. за № 4720. Съ требованіями обращаться: Москва, Тверская, д. Бахрушина, кв. 17, Э. М. Бескину.

Изданіе журнала „Рампа“.

РЕПЕРТУАРНАЯ НОВИНКА ПРЕДСТОЯЩАГО ЗИМНЯГО СЕЗОНА

„ДУРАКЪ“.

Ком. въ 4-хъ д. Людвига Фульда. Пер. съ нѣмецкаго Э. М. Бескина и Ф. Р. Къ представленію дозволена 3-го іюля 1908 г. № 6441.

Цѣна 2 руб.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, Мясницкая, д. № 20, редакція журн. „Рампа“, при типографіи Московскаго т-ва Н. Л. Казецкаго.

„ПАРИЖСКОЕ АТЕЛЬЕ“.

Москва, Петровка, д. Коровина, 1-й подъѣздъ.

СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ГГ. АРТИСТОКЪ

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ,

ШАПКИ,

МУФТЫ

по послѣднимъ парижскимъ моделямъ въ огромномъ выборѣ

ПО САМЫМЪ КРАЙНИМЪ ЦѢНАМЪ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

СТРАУСОВЫХЪ ПЕРЬЕВЪ и БОА.

Гг. артистки московскихъ и провинціальныхъ театровъ пользуются большой скидкой.

Новая пьеса Г. Гауптмана.

„СЕСТРЫ изъ БИШОФСБЕРГА“

ком. въ 5 дѣйствіяхъ.

Переводъ Э. Бескина. Къ представленію безусловно дозволена („Прав. Вѣсти.“, № 188, 1907 г.).

Цѣна 50 коп.

Включена въ репертуаръ Малаго театра на 1908—09 г.

Складъ изданія: Москва, Георгіевскій пер., театральная библіотека С. А. Разсохина.

Сенсаціонная новинка Берлинскаго „Kleines Theater“,

„2×2=5“

комедія-сатира въ 4 дѣйствіяхъ Густава Вида, переводъ Л. Мунштейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Къ представленію дозволена 23 апрѣля 1908 г., № 4212. Въ этомъ переводѣ пьеса включена въ репертуаръ театра Корша 1908—1909 г.

Цѣна 2 рубля.

Съ требованіями обращаться: Москва, Георгіевскій пер., театральная библіотека С. А. Разсохина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Общедоступный, литературно-критическій, общественно-политическій иллюстрированный ежемѣсячный журналъ.

Слѣдуя лучшимъ традиціямъ „Журнала для всѣхъ", новый журналъ будетъ отражать всѣ явленія русской и иностранной общественно-политической жизни въ безпристрастномъ и всестороннемъ освѣщеніи, чуждомъ узко-партійныхъ тенденцій. Избѣгая политической односторонности, журналъ будетъ преслѣдовать преимущественно культурныя задачи.

Удѣляя обширное вниманіе наболѣвшимъ вопросамъ общественной жизни, редакція широко ставитъ отдѣлы: литературный, критико-библіографическій и популярно-научный.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ—Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Л. Андрусонъ, Д. Айзманъ, Ник. Архиповичъ, Шоломъ Ашъ, В. Башкинъ, В. Ворскій, И. Бунинъ, А. С. Гринъ, Яковъ Годинъ, А. Купринъ, А. Каменскій, Карменъ, В. Муйжель, Н. Олигеръ, И. Потапенко, А. Ремизовъ, А. Рославлевъ, И. Рукавишниковъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Соломинъ, Танъ (Богоразъ), Н. Тимковскій, Е. Чириковъ, О. Чумина, Г. Чулковъ, Дм. Цензоръ, И. Щегловъ, Т. Щепкина-Куперникъ, А. Яблоновскій и др.

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ—В. Агафоновъ, Н. Ашешовъ, И. Берлинъ, Н. Борецкій, В. Водовозовъ, А. Дживилеговъ, Ю. Дилевскій, Н. Тимковскій, проф. Д. В. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Мижуевъ, Н. Морозовъ (шлиссельбуржецъ), М. Лемке, проф. Н. Карѣевъ, проф. П. Озеровъ, проф. А. Погодинъ, проф. Е. Тарле, М. Семеновъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, В. Тотоміанцъ, И. Южанинъ и др.

ОТДѢЛЪ КРИТИКИ И БИБЛІОГРАФІИ—Проф. О. Батюшковъ, А. Горнфельдъ, С. Венгеровъ, проф. Н. Котляревскій, проф. Овсянико-Куликовскій, К. Чуковскій и др.

ОТДѢЛЪ ИСКУССТВЪ—Ал. Бенуа, И. Гинзбургъ, П. Лазаревскій, А. Оссовскій, И. Рѣпинъ, Н. Рерихъ, Н. Эфросъ и др.

ПЕРВАЯ КНИГА ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ ВЪ НАЧАЛѢ НОЯБРЯ 1908 года въ объемѣ 8-ми обычныхъ печатныхъ листовъ (120—130 стр.) съ иллюстраціями въ текстѣ.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ. Допускается разсрочка: 1 руб. при подпискѣ и 1 руб. къ 1-му апрѣля. За границу—4 руб.

Подписавшимся до 1-го ноября (для Сибири и окраинъ—15-го ноября) ноябрьская и декабрьская книжки будутъ высылаться безплатно.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Свѣчной, 16.

„Синяя Мышь".

Комедія-фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ **Энгеля и Хорста.** Пер. Э. Маттерна.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Рампа".

Слабыя женщины.

ОТКРЫТІЕ ЧУДЕСНАГО ПИТАТЕЛЬНАГО СРЕДСТВА.

Только женщина можетъ понять, что за ужасъ быть слабой и больной. Много лѣтъ я не находила себѣ покою и не испытывала радости жизни. Я была нервна, возбуждена, даже истерична. Страдала частыми головными болями, безсонницей, болью въ поясницѣ, слабостью, сердцебіеніемъ и въ числѣ другихъ крайностей, особенной сонливостью.

Я обращалась за совѣтомъ къ первѣйшимъ авторитетамъ медицины, лѣчилась ваннами, даже подвергалась, по совѣту врача, легкой операціи. Но все это помогало лишь временно. Однажды я, воспользовавшись лѣтнимъ отпускомъ, поселилась въ домѣ одного престарѣлаго медика, который послѣ долголѣтняго преподаванія въ знаменитомъ высшемъ учебномъ заведеніи, удалился на покой. Этотъ ученый посовѣтовалъ мнѣ не обращаться больше къ медицинѣ, такъ какъ, чѣмъ больше я буду принимать всякихъ тинктуръ, пилюль и т. п., тѣмъ хуже стану себя чувствовать. Онъ предложилъ приготовить для меня химическій питательный препаратъ, который я должна была принимать ежедневно, по 2 чайныхъ ложечки, онъ увѣрялъ меня, что я скоро выздоровѣю.

ЕЖЕДНЕВНОЕ УВЕЛИЧИВАНІЕ ВѢСА.

Я послушалась совѣта этого любезнаго ученаго. Почти моментально мое здоровье улучшилось. Вѣсъ моего тѣла увеличился, аппетитъ улучшился, сонъ сталъ спокойнѣе, нервы улеглись; я не чувствовала больше ни слабости, ни болей. Никогда еще я не чувствовала себя такой бодрой и довольной. Жизнь казалась мнѣ не мученіемъ, какъ раньше, а радостью. Въ нѣсколько часовъ я могла сдѣлать то, для чего раньше нуженъ былъ цѣлый день. Съ того времени я наслаждаюсь полнымъ здоровьемъ.

Зная, что я не одна страдаю подобной слабостью, особенно частой у женщинъ, я пріобрѣла этотъ драгоцѣнный рецептъ и поручила толковому химику заготовить препаратъ въ большомъ количествѣ. Я назвала препаратъ **„АЛЬБУКОЛА"** и высылала его тысячамъ женщинъ всякаго возраста, при чемъ результаты всегда были поразительны. Въ этомъ могутъ всякаго убѣдить ежедневно получаемыя мною отовсюду письма, въ которыхъ превозносится **„АЛЬБУКОЛА"**.

Безплатно всѣмъ женщинамъ.

Такъ какъ я желаю, чтобы каждая женщина, здоровье которой неудовлетворительно, испытала дѣйствіе „Альбукола", то по первому требованію высылаю пробный пакетикъ безплатно по полученіи точнаго адреса и 2-хъ 7 коп. марокъ на пересылку.

Рита Нельсонъ, Москва, Б. Лубянка, домъ Морель, № **84.**

Москва Типографія Московскаго Т-ва **Н. Л. КАЗЕЦКАГО**, Мясницкая, домъ № 20.